

Ежи Луц
неприбесанные
мысли

Stanisław Jerzy Lec

myśli nieuczesane

*Мир без психопатов?
Он был бы ненормален.*

Станислав Ежи Лец

непричесанные
МЫСЛИ

в переводах
Максима Малькова

Гуманитарное агентство
«Академический проект»
Санкт-Петербург
1999

Иллюстрации
Жерома Гранвиля

Оформление
Юрия Александрова

© М. П. Мальков,
перевод, послесловие, 1999

© Гуманитарное агентство
«Академический проект», 1999

*Некролог
был бы отличной
визитной карточкой.*

Обычно ступает по розам тот, кто топчет грядки.

Есть пьесы настолько слабые, что они не могут сойти со сцены.

Молчащих людей нельзя лишить слова.

Среди карликов время от времени вспыхивает эпидемия слоновой болезни.

Плоскость взаимопонимания — идеальное поле битвы.

Мысли освобождены от таможенной пошлины? Если не выходят из границ.

Действительность можно изменить, фикцию приходится выдумывать заново.

И смирительная рубашка должна соответствовать размеру безумия.

Если твой противник сделал ложный шаг — будь осторожен. Вы танцуете под одну музыку.

Дух времени порой страшит даже атеистов.

Почему я пишу такие короткие фразы? Потому что мне не хватает слов!

Подумай прежде, чем подумать!

Многие из моих друзей стали моими врагами, многие враги со мною подружились, а те, кому я безразличен, остались мне неизменно верны.

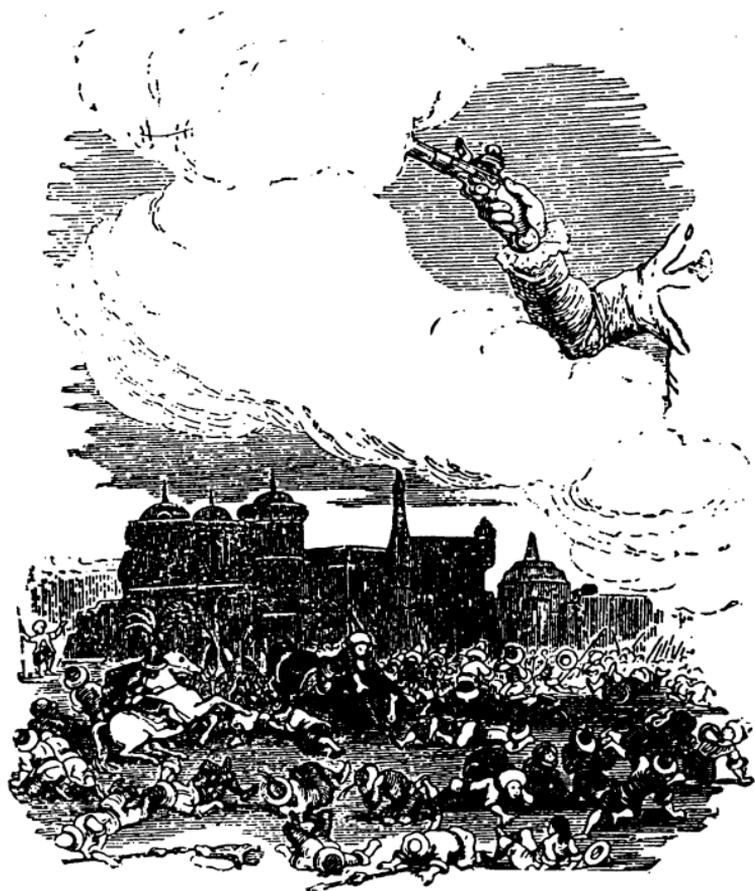

*Рыба виновна, что глотает крючок,
ведь это — чужая собственность.*

Не зная других языков, никогда не поймешь молчания иностранцев.

Когда миф становится реальностью, чья это победа — материалистов или идеалистов?

Когда вода доходит до твоего рта, не огорчайся, что она не пригодна для питья.

*«Я только погрожу
пальчиком», — сказал он,
кладя его на курок.*

Кто первый уловил смысл анекдота, тот еще имеет время притвориться, что его не понял.

Миг осознания своей бездарности — это проблеск гения.

В некоторых театрах добились удивительного реализма — здесь даже несет со сцены портянками. Только люди нереальны.

Странно — «философии отчаяния» больше всего побаиваются оптимисты.

Опера еще не использовала всех своих возможностей, ведь нет такой глупости, которую нельзя было бы пропеть со сцены.

Драматическое искусство еще отстает от жизни — когда-то оно поднимется до уровня нашего повседневного актерства?

Человек победит! Человека?

Будем жить дольше! Чем другие.

Донос — «Ессе homo!» («Се человек!»)

Есть писатели, неперебиваемые на иностранные языки. Их можно спокойно пропагандировать за границей.

*Живи современностью,
поскольку не можешь
перенести этого на другое
время.*

Человек в собственной жизни играет лишь маленький эпизод.

Положительных героев не обязательно создавать, ими обычно назначают.

О своей эпохе больше говорят слова, которых избегают, чем те, какими злоупотребляют.

Бессмертный писатель умирает в своих эпигонах.

Если бы умственная узость являлась жизненным неудобством!

В некоторых источниках вдохновения Муза могла бы мыть ноги.

Шедевр будет понят даже дураком. Но насколько иначе!

Нет новых направлений в искусстве, есть одно — от человека к человеку.

А казалось бы, самая восприимчивая публика — пус-тоголовая!

Совесьь рождается иногда в момент, когда начинают ощущать ее укоры.

Мы любим, чтобы наш внутренний голос доносился до нас извне.

Меня называют мастером безвыходного ситуационного юмора.

Дерзай обрести лавры! Но не с чужой головы.

Писатель, который не становится глубже, всегда остается на поверхности.

Как распознаются бури истории? После них еще долго ломит в костях.

Когда доводы шатки, позиция человека нередко становится жесткой.

Из-за трусости хранил свои мысли в чужих головах.

Ах, если бы мы могли видеть жизнь, а не ситуацию!

Как правило, арьергард прежнего авангарда — это авангард нового арьергарда.

Приближаясь к правде, мы иногда удаляемся от действительности.

Иногда трудно решить — то ли это произведение автора, то ли произведение искусства.

Бывает, что и человек делится на зоны оккупации различных сил.

Поэт рыбачит в потоке своего сознания.

Страшнее всего кляп, смазанный медом.

Лжепророки сами исполняют свои предсказания.

Сатирик должен оттачивать свой язык на оселке мудрости.

Не богохульствуй, если не принадлежишь к верующим!

Все люди — актеры. Откуда же взять для них репертуар?

И вечность прежде была поосновательнее.

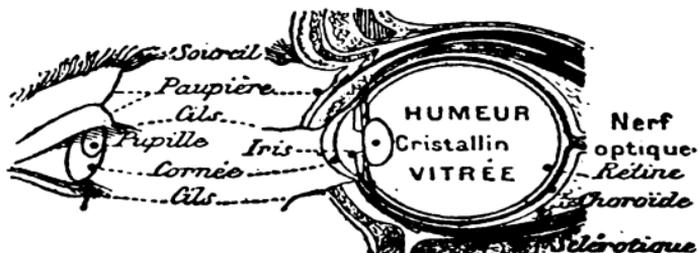
Отсутствие таланта он восполнял отсутствием характера.

У людей вообще запоздалая реакция — понимание обычно приходит лишь к следующим поколениям.

*Человек с человеком
от века ведут
один монолог.*

Бывают эпохи, когда на ложе смерти философ может сказать: «Какое счастье, что я не был понят!»

С любой точки зрения нельзя быть слепым.

Жития некоторых святых я люблю читать с конца — в этом случае обретаешь веру, что кое-кто может снова стать человеком.

Он был прогрессивным верующим. Соглашался, что человек произошел от обезьяны, но уточнял — от обезьяны, спасшейся в Ноевом ковчеге.

Как справедливее всего судить о каком-либо государстве? Проще всего — на основе его суда.

Нужно стать известным человеком, чтобы позволить себе выступить инкогнито.

Тень способнее тебя — она делает то же самое безо всяких усилий.

На котурнах труднее сходить со сцены.

Художественным вкусом критика Х. можно пользоваться как надежным компасом — он идеально испорчен.

Под палкой даже в барабане пробуждается Муза.

Сходят с ума лишь те, у кого есть с чего сходить.

Слабая память поколений укрепляет легенды.

А мышление — это социальная функция или функция мозга?

На человеческую память рассчитывать нельзя. На забвение, к сожалению, тоже.

А кто исследует отпечатки пальцев на пощечине?

Бывает, свиньи презрительно хрюкают, обращаясь к пастуху: «Подумаешь, свинопас!»

Когда враг потирает руки от удовольствия, настал момент реванша, если твои руки свободны!

Семейный круг циркулем не создашь.

Прогресс: наши пращуры ходили в звериных шкурах, нам и в своей не по себе.

Некрасиво показывать пальцем, даже на себя как на избавителя.

Спасти человека от пасти акулы может и людоед.

Интересуешься всяким дерьмом? Значит, сам навоз.

*Я дотронулся до Венеры Милосской.
«Держи руки при себе!» — вскричала она.
Ясно, комплекс.*

Идеальные подделки должны разделить судьбу оригиналов.

Извечная мечта палача — комплимент осужденного за высокое качество казни.

Первый человек не чувствовал себя одиноким, ведь он не умел считать.

Отговорка людоедов: «Человек — это скотина!»

Жаль тех, что не видят звезд, пока их не треснут по зубам.

Докопавшись до самых глубоких археологических слоев, мы, возможно, отыщем следы великой культуры, которая существовала до появления человека.

*Он — это сплошная
пустота, до краев
наполненная эрудицией.*

Может ли считать свою задачу выполненной миссионер, которого сожрали туземцы?

Если ты достиг вершины, то можешь пользоваться аргументом: «Дальше нам идти некуда!»

Кандалы не любят приковывать к себе внимание.

Чтобы быть собой, надо быть кем-то.

Глупости каждой эпохи для следующих поколений так же ценны, как и ее достижения.

**Кто умирает от восторга, пусть не соглашается на вос-
крешение.**

Чем реже встречаются ошибки, тем они ценнее.

«Не верь!» — шепчет тебе дьявол. «Верь!» — тут же подсказывает ангел. А иногда наоборот.

«Каждый шаг рискован! — любил повторять один балетмейстер. — Он может породить новый танец».

Есть в человеке тихая гордость: смерть все отступает от нас, но в конце концов сдается.

У подлинного избранника нет выбора.

Лучше всего делают подножку карлики — это их сфера.

Сколько обрядов есть у тех, кто ни во что не верит!

Справедливость всегда должна быть на своей стороне.

Совесь у него чистая. Не бывшая в употреблении.

Техника со временем дойдет до такого совершенства, что человек сможет обойтись без самого себя.

Дьяволы подразделяются на падших ангелов и на людей, сделавших карьеру.

Сатира никогда не выдерживает экзамена, потому что в жюри восседают ее объекты.

Я внимательно слежу за всем в творчестве этого писателя, начиная с Гомера.

Собственная немощь опасна так же, как чужая сила.

Прохладные отношения между людьми возникают вследствие взаимных трений. Что ты скажешь на это, физика?

Каждый «уголок юмора» — свидетельство размеров творческой свободы своего времени.

Если ты — полудурок, но часть коллектива, не огорчайся: сыщется и второй такой.

Те, что пользуются плодами преступления, пусть не роняют их семена на урожайную почву.

Правду держат под ключом как самое дорогое сокровище, те, что ее ценят меньше всего.

Спятивший не признает своими «Записки сумасшедшего».

У слепой веры взгляд неприятный.

Я задаю уклончивые вопросы, чтобы пресечь уклончивые ответы.

Обычно мы слышим лишь окончательную редакцию вздоха.

Человек, не знающий пощады, должен будет молить о ней.

Некоторым мыслям я предоставил право убежища в своей голове — не смог их выдворить.

Ложь ничем не отличается от правды — кроме того, что ею не является.

Чем позднее обезьяна превратилась бы в человека, тем больше сбереглось бы человеческой крови.

Я провозглашаю столь старые истины, что человечество их уже не помнит.

Людам, как я заметил, нравятся такие мысли, которые не заставляют думать.

Закон физики: чем выше поднимается вода, тем больший вес приобретает человеческая жизнь.

*Человек есть мера всех вещей! Как удобно!
В одном случае это великан, в другом —
карлик.*

Отсутствие прецедента — уже прецедент.

Критик сказал трагику, что тот недостаточно смешон.

Инструменты и орудия человек создавал постепенно, но искони человек был инструментом и орудием человека.

Поспевает ли за естественным приростом производство мыслей?

Не могу представить себе конца света до торжества истины!

Чтобы добраться до истоков, надо плыть против течения.

Общечеловеческие ценности — те, которых не провезешь контрабандой из одной страны в другую.

Разложение — удел и не самых сложных натур.

Повернись к людям спиной, они скажут «двуличный».

Дорожные указатели способны превратить шоссе в лабиринт.

Есть дальтоники, не различающие цвета, но зато подмечающие все оттенки.

Открытая натура. К сожалению, открытая настежь.

Его слова были завершением целой эпохи. Речь идет о поэте? Нет, о судьбе.

Он был совестью своего времени, которое ее не имело.

Вот страж закона — охраняет его так строго, что им никто не может воспользоваться.

Орфей спускается в ад не только в поисках Эвридики.

Быть шутом на поминках — глубоко человеческая миссия.

Некоторые празднуют свои поражения, будучи приглашенными на пир победителей.

Хочешь петь в хоре? Тогда обрати внимание на палочку дирижера!

Подлинный мученик — тот, кому отказывают даже в праве так называться.

Среди слепцов и одноглазый подслеповат.

Я не согласен с математикой. Считаю, что сумма нулей — страшная величина.

Отсутствие иллюзий помещать в расход или в приход?

И четвероногие становятся на задние конечности. Чего не сделаешь ради еды или со страху!

Стрелка испорченного компаса не трясется — освобождена от ответственности.

Бывает, наказание влечет за собой вину.

Каннибалы предпочитают людей бесхребетных.

Мне ставят его в образец: «Он думает по-нашему!»

О, если бы существование человека было только предметом философии!

Табу неприкосновенны, но страшно размножаются.

Пророк может ошибаться. Только не в отношении срока, когда перестанет быть им.

Некоторые не отличают онанизма от «верности самому себе».

Самое оптимистичное — слова Бен-Акибы: «Все это уже было!»

Не каждый человек, знающий слишком много, об этом догадывается.

*Вслед за каждым «последним криком»
литературы наступает ожидание
ее последнего издыхания.*

Следы многих преступлений ведут в будущее.

«Литература факта»? — Некоторые факты ее вовсе не желают.

Обнажать человека надо, не показывая при этом его грязного белья.

Сны зависят от положения спящего.

Трудно прочесть о собственной неграмотности.

Хотите почувствовать себя моложе на миллион лет?
Войте во все горло!

Эх, если б знать шлягер, исполнявшийся на иерихонской трубе!

С того момента, как человек встал на ноги, он не может обрести равновесия.

Не обязательно много говорить тем, что могут распоряжаться жестами.

А, может быть, стены Иерихона пали от громких звуков фанфар внутри крепости?

Равноправие в эпоху бесправия — это уже кое-что!

Настоящая сатира — та, на которой ставят крест.

Люди рождаются по социальному заказу, но благодаря частной инициативе.

Наши дни сочтены. Статистиками.

Когда мы заселим пустыни, исчезнут оазисы.

Ближе всего друг к другу — противники на передней линии фронта.

Евнух сказал: «Что мне одна женщина, мне нужен гарем!»

Я пишу только по случаю. По случаю жизни.

На земле может завершиться органическая жизнь, но не организационная.

Иногда надо встать на котурны, чтобы, например, плюнуть в лицо тем, кто выше нас.

В начале было Слово. Только потом появилось Молчание.

Всегда побаиваются тех, кто жаждет властвовать над душами. Что они делают с телами?

Ничто в природе не исчезает — только исполнившиеся надежды.

Великие эпохи способны вместить порядочное число мелких людей.

Умственная провинция — попытки мыслить вдали от мозга.

Почему мы строим временки? А вдруг будет землетрясение!

Слово проникает всюду, но выйти ему затем бывает трудно.

Принять лавровый венок значит выдать размер своей головы.

Культура была его страстью. Он преследовал ее повсюду.

Некоторые национальные трагедии не имеют антрактов.

А дрессированные попугаи не повторяют никаких слов.

Где кладези мудрости? Обычно там, где ее похоронили.

Прямолинейные люди, осторожно на поворотах!

Имеет ли человек право считать себя автором непрощенных мыслей?

Человек — побочный продукт любви.

У смерти руки короткие, чтобы закрыть человеку рот.

Смельчак: ест из рук тирана.

Ну, пробьешь ты головой стену. И что будешь делать в соседней камере?

Несгибаемая позиция иногда — результат паралича.

Нельзя опускать голову тому, кто носит терновый венец, — спадет.

Осуществляются наши самые смелые мечты! Может, пора исполняться и несмелым?

Некоторые мысли приходят в голову под конвоем.

Одни должны были бы получить дар жизни вторично в награду, другие — в наказание.

Иногда знаменосца приходится отыскивать по отпечаткам пальцев на древке.

В раю должно быть всё — и ад!

Мистик! Верит, что он существует.

Трудно ходить с поднятой головой и не задирать нос.

Философы, полно искать камень мудрости — не то его повесят вам на шею!

Новое в геометрии — генеральная линия не состоит из бесчисленного множества точек зрения.

Поменял квартиру — переехал из Содома в Гоморру.

«Не убий!» — сказал он. И добавил: «Разве что найдешь для этой цели подходящих людей вместо себя».

Скажи: «Святых людей нет», — и на тебя обидятся даже атеисты.

Из книги бытия: «Только один жил с начала света и до его конца — страх».

Вот расисты! Не допускают черных мыслей.

*Помните, у человека нет
другого выбора — он должен
быть человеком!*

И размеры вселенной могут быть военной тайной.

Правда обычно лежит посередине. Чаще без надгробного камня.

Сказал навоз: «Вот трус! Боится до меня даже дотронуться».

«Вот это голова!» — сказали о человеке, увидев его под топором палача.

Страшнее всего — моральная грязь, она обычно ведет к кровавой бане.

Мечтал познать людей изнутри. Ему предложили сделать это с черного хода.

Не доверяйте льстецам — они способны оплевать слюной восторгов.

Полудурки не любят полутонов.

Сексуальные стимулы могут быть и экономическими.

Я попал пальцем в небо? Это и было моей целью.

Трусливый сатирик создает только один анекдот — себя.

Дисциплина в искусстве требует свободы.

Лира Нерона была камертоном.

И у пилигримов потеют ноги.

Отсутствующие всегда неправы, зато уцелеть им легче.

Хлеб открывает любой рот.

Волки, должно быть, благороднее овец: они с трудом представляют свое существование без последних. А овцы? Стыдно сказать!

Жизнь заставляет человека совершать много добровольных поступков.

Если уж становиться в круг, то во влиятельный.

В будущем люди-флюгера будут управляться межпланетными вихрями.

И тиран не пользуется свободой совести.

Древние владели способностью бальзамировать останки так, чтобы они не теряли значения.

Могло быть хуже. Твой враг мог оказаться твоим другом.

Хотя их дороги разошлись, они и дальше шли рядом — как стражник и арестант.

У человека нет обратного пути тогда, когда противник также лишен его.

*Валаамова ослица вдруг заговорила
человеческим голосом. Не могли бы
некоторые актрисы последовать ее
примеру?*

Трудно угадать, кто плывет по течению добровольно.

Когда же мы покорим межчеловеческое пространство?

А преступления, не предусмотренные законом, нелегальны?

Сбросил шкуру, а кричал так, будто ее с него сдирали.

«Я держусь в стороне от людей, — сказал один альтруист, — чтобы не сделать им ничего плохого!»

И как тут не быть оптимистом: мои враги оказались точно такими свиньями, как я и предполагал.

Некоторые зебры готовы сидеть в клетке — лишь бы их считали белыми скакунами.

Не забывайте, что тылы обычно считают себя фронтами.

Мозг человека становится все тяжелее, а мне страшно — ведь он, говорят, удерживает нас в положении гордой вертикали.

Анонимка допустима только в том случае, когда писавший ее и вправду никем не является.

Шутовским колпаком поклон не отвешивают.

Надпись на могиле: «Жизнь проходит, увы, не без последствий».

«Проспал свою эпоху!» — говорили о нем. **«Спокойно?»** — поинтересовался я.

Иногда сатире приходится возрождать то, что было уничтожено пафосом.

Напал. И к тому же на мысль.

Не требуйте от жизни невозможного! Почему? Ведь ее возможности безграничны.

Некоторые предрекают мне преходящую актуальность. Думают, что я пишу о них.

Формулы часто деформируют нас.

И чужая неграмотность затрудняет работу писателя.

Я буду региональным писателем — ограничусь земным шаром!

Можно глубоко почитать бога, не веря в его существование.

Страшно дыхание эпохи, в которой люди задыхаются.

Хвалился, что его пращуром был Авель. Правда, ведь он — потомок Каина.

Вот бы такой якорь, который за собой таскает сушу!

Жизнь слишком тяжела, чтобы придавать ей особый вес!

Главное, чтобы клопы не пробрались в наши сны!

«Выше голову!» — сказал палач, накидывая петлю.

Если бы иных приняли всерьез, они больше не возвращались бы к нам.

Ахиллесова пята часто скрывается в сапоге тирана.

Там, где запрещен смех, обычно и плакать не разрешается.

И от содрогания людей трескается основа государства.

Грустно, когда позвоночник распрямляется лишь на кресте.

Жизнь человека иногда заканчивается чужой смертью.

Люди более широких горизонтов, как правило, имеют перед собой худшие перспективы.

Человек, мир перед тобой распахнут настежь, поэтому смотри, как бы не вывалиться.

Я — за передачу внутренней жизни в частную собственность.

Жизнь — вечный труд: даже глупость и то надо «сделать».

А, может быть, великолепной пещерной живописи когда-то пришлось уйти в подполье?

Всегда найдутся эскимосы, которые напишут для жителей Бельгийского Конго правила поведения в тропическую жару.

Народ может быть единомышлен, но беда, если у него только одна голова.

Что дает сатирикам право метать громы и молнии? Царящее бесправие.

Не теряйте голову! А вдруг жизнь захочет вас еще по ней погладить?

*Что-то совсем не видно
шапок-невидимок!!!*

Бывает, что свобода возвещает о себе звоном ключей тюремного надзирателя.

Каины поумнели — они метят теперь чело Авеля.

Пусть не бросает перчатку тот, у кого грязные руки.

Не окостенеть и не расслабиться, быть на страже и не стоять на месте, проявлять гибкость и в то же время непреклонность, быть львом или орлом, но не превращаться в животное, избегать односторонности и не быть двуличным — трудное дело!

Мысль бессмертна при условии, что каждый раз рождается заново.

Не сдвигай ничего с мертвой точки за счет живых.

Странно, правду всегда пытаются переправить в страны, где она ниже ценится. Какая в том выгода?

Те, что переросли свою эпоху, часто ходят с опущенной головой.

Преступник заявил: «Как можно обвинять людей в бесчеловечных поступках?»

Имеют ли идеалы те, что лишили их других?

У фальшивого банкнота, который всюду принимают за настоящий, рождается комплекс — «Они не способны оценить ловкость подделки!»

Глупость никогда не переходит границы, куда она ни ступит, там ее владения.

Горе живым властителям, которым воздают почести, достойные усопших.

Потерял тетрадь с еще не напечатанными «Мыслями». Возможно, со временем я их припомню, но, увы, насколько более зрелыми.

Будь экономен! Смотри сны в одной и той же декорации!

«Не убий!» было написано, к сожалению, справа налево — в направлении сердца.

Золотой телец давно уже превратился в дойную корову.

Богу — богово, кесарю — кесарево! Надо было присутствовать при дележе.

Знамя он вздымал высоко — не хотел его видеть.

Есть настолько пустые «великие» слова, что они становятся местом заключения целых народов.

Дон Кихоты! Ветряные мельницы следует атаковать лишь при благоприятном ветре.

Трудно смотреть сквозь пальцы на тех, кто таким образом закрывает нам глаза.

Кулак был занесен для удара. Один палец отошел в сторону. «Я всего лишь указательный!» — пропищал он.

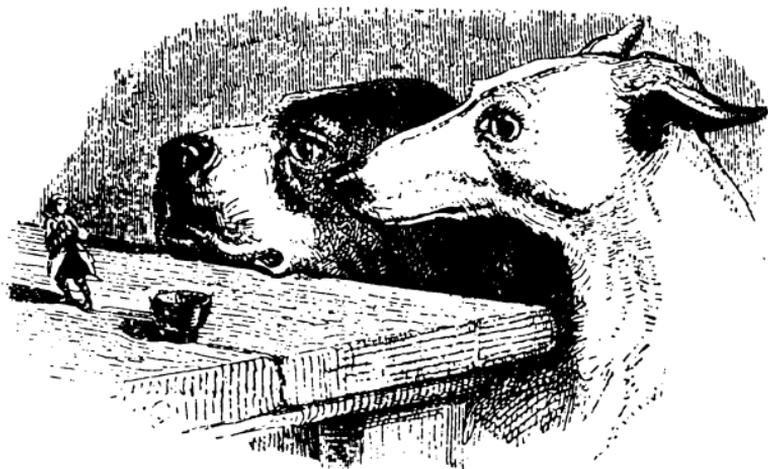
Вот мученик — погиб на кресте, не будучи прибит к нему.

Посыпал голову пеплом своих жертв.

У одного человека была на груди татуировка — лицо жандарма. Когда человек дышал полной грудью, жандарм оскаливал зубы.

Остерегайтесь тех ботаников, которые утверждают, что корень зла — в древе познания.

Не везде, где дорожает мясо, растет ценность человека.

*Кто напал на след мысли, пусть не
пускает по следу собак.*

Бедный человек, заявляешь: «После меня — потоп!» — а спускаешь лишь воду из бачка.

Когда деспоты возвращаются к террору, можно спать спокойно. Это вовсе не хитрая уловка.

Верю в прогресс, в изобретение машины, читающей мысли, какие никому не приходили в голову.

Максимальное чувство юмора имеют умершие — они смеются надо всем.

Должно быть, и в раю произошли перемены к лучшему.

Те, что легко обо всем забывают, легче сдают жизненный экзамен.

Цветы на могиле врага пахнут упоительно.

Страшно подумать, что вечность состоит из отчетных периодов.

Труднее всего устроить пожар в аду.

Не считаю, что тот, у кого есть душа, — мелкий собственник.

Кто знает, что открыл бы Колумб, если б на его пути не стояла Америка.

Сколько соловьев должен проглотить хищник, чтобы начать петь?

Незнание закона никогда не освобождает от ответственности. А знание — часто.

Кого только не обманывала жизнь?! Даже тех, что были рождены негодьями и высоко вознеслись потом.

*Лучшее мерило эпохи —
дистанция между карликом
и гигантом.*

Сатирик, плюющий по ветру, оплевывает себя.

Общение с карликами деформирует позвоночник.

Из раны, неумело нанесенной деспоту, льется море чужой крови.

Есть плодородные пески, рождающие головы страусов.

Тот, что попирает закон, вряд ли крепко стоит на ногах.

Если громко трубят в рог изобилия, он, наверное, пуст.

Сатирик совершает самоубийство тупым острием своей прежней сатиры.

Правда побеждает порой, когда уже перестает ею быть.

Настоящий враг никогда тебя не покинет.

Даже когда все рты закрыты, вопрос остается открытым.

Палач обычно выступает в маске — справедливости.

Будь альтруистом, уважай эгоизм других!

Некоторые так любят пафос, что впадают в него с любым текстом.

Еще раз начать все с начала! Только как до этого с ним покончить?

Его считали львом, но, увидев на четвереньках, признали ошибку.

Критерий роста жизненного уровня: кто бы сейчас за миску чечевицы продал право первородства?

Жертва всегда играет роль в преступлении. И к тому же отрицательную.

*Хироманты прибегают к уловке:
«Нельзя гадать по грязной руке!»*

Это — большой козырь! Но в очень грязных руках.

Имел манию преследования, а за ним ходил всего лишь следователь.

Пизанская башня имеет наклон под углом зрения туристов.

Ах, сколько Атлантид встречаешь в политических атласах мира!

Я за ликвидацию смертной казни, но против введения смерти как награды.

Одержал над собой столько побед, что уже пресыщен ими.

Со времени появления человека его совершенствуют только с помощью протезов.

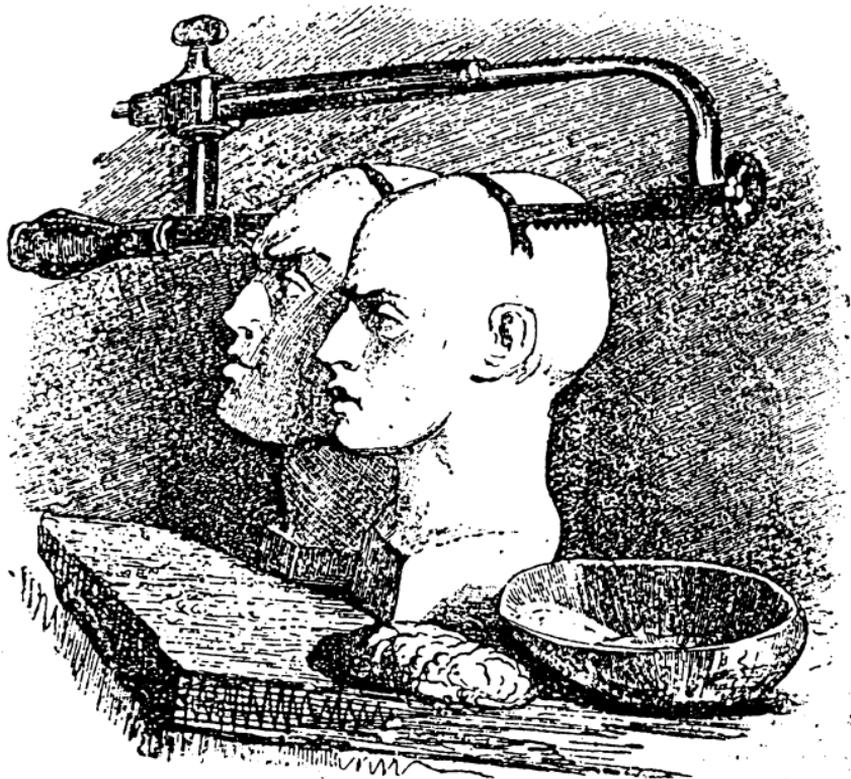
Жаль, что Каин и Авель не были сиамскими близнецами.

О, если бы какое-либо божество сказало: «Верьте мне!», а не «Верьте в меня!»

Не встречайте людей с распростертыми объятиями — так им легче распять вас.

Неприлично говорить жонглерам-профессионалам: «Не играйте с огнем!»

Те, что спят наяву, имеют бессонные ночи.

*Не будьте жестокими —
не услаждайте жизнь
мазохистам!*

Должно быть, здорово жить в джунглях, где не царят их законы.

Если бы я знал тогда то, что знаю сегодня, я бы не знал этого теперь.

Собственная целая голова — прекрасный трофей победы.

Мир так прекрасен! И как раз это весьма грустно.

И прирученные гиены жрут падаль.

Люди все ближе друг к другу — мир перенаселен.

Великие творения гениальных мастеров умещаются в душе одного человека. Поделкам халтурщиков мало места на огромных сценах.

Бессонница — удел эпох, когда людей заставляют на многое закрывать глаза.

«Я — поэт завтрашнего дня!» — сказал он. «Поговорим об этом послезавтра!» — ответил я.

«А все-таки она вертится!». Но в какую сторону?

Ширится умственная ограниченность!

Здороваясь, подавайте руку. Возрастет потребление мыла.

Гордитесь многосторонностью человека, но не выворачивайте его наизнанку.

*Перед карликами нужно склоняться
особенно низко.*

Дорожные указатели не облегчат Крестного Пути.

Побаиваюсь ангелов — они так добры, что согласятся быть демонами.

Голые короли правят иногда и республиками.

Человек имеет и то преимущество над машинами, что способен себя продать сам.

Даже чтобы чему-то аплодировать, надо иметь чувство такта.

Выдержало испытание временем? А каким?

Откуда взять мужество? Смелые его не отдадут.

Лучшим снайперам даже не нужно знать размер голов, в которые они целятся.

А трусы не боятся лежать на кладбищах героев!

Все кандалы мира образуют одну цепь.

Если бы хоть со дна все казалось высоким!

Если бы можно было родиться только после смерти врагов!

Жуткое видение будущего: говорящие памятники.

Не может быть возвращения в пещеры! Нас слишком много.

Традиция — родовая аристократия плагиата.

Даже созвездия не являются свободными объединениями звезд.

Инстинкт самосохранения порой толкает на самоубийство.

Постиг науку жизни: ест с чужой руки.

Что не вызывает сомнений, не всегда их побеждает.

Жаждешь крови? Значит, ты — клоп.

Зеркало истории деформирует облик людей.

Доверьтесь разуму людей. Многого они понять не в состоянии.

Разделяет не пропасть, а разница уровней.

Их капитал крепнет. Обрастают нулями.

Как распознают свободу те, что ее никогда прежде не видели? Они могут заподозрить в ней новую маску тирана.

Не переносу мизантропов, поэтому избегаю людей.

Кто пережил трагедию, не был ее героем.

*Лишь увидев его на козлах, люди поняли:
это кучер.*

Если бы то, что бьется в нашей груди, действительно было сердцем, оно не умирало бы, чтобы тем самым умертвить нас.

Есть последствия, которые ежегодно обрастают новыми причинами.

Насиловать чью-то совесть не значит ли лишать ее обладателя добродетели?

Сколько голосов при голосовании имеет голос истории?

Время останется людоедом.

У человека два профиля — левый и правый. Да, и еще два изнутри.

И лилии на болоте содрогаются перед мелиорацией.

*Цезарей обычно убивают
друзья. Поскольку являются
врагами.*

**О нем говорили с восхищением: «Догоняет лучших!».
«С какой целью?» — забеспокоился я.**

По их словам вы узнаете, о чем они стремятся умолчать.

Незапятнанные люди, остерегайтесь, вас легко обнаружить!

«Правды нет!» — говорит иногда она сама. Из осторожности.

**Меньше всего преступлений совершается в тюрьмах.
Заклученными.**

Некоторые выше прочих на голову. И ее отрубают.

**Некоторые видят правым и левым глазом одно и то же.
И думают, что это объективность.**

Спятивший знаменосец — решил, что является флагом.

**Только великаны могут позволить противникам под-
нять головы.**

Трудно самому себе сказать правду, если ее знаешь.

Палач-садист петлю расслабляет.

Я верю в эволюцию животных. Когда-нибудь, например, блоха сравняется со львом. Не знаю только — путем ли измельчания львов или укрупнения блох.

Творческий жар рождает пепел или произведение искусства.

Мир стоит на голове — поэта!

Сколько последних слов оспаривают пальму первенства!

Кто знает, сколько божих заповедей утаили люди!

Горе, когда невежды гордятся своим образованием.

Блохи сидят со львом в клетке, наверное, добровольно?

Поэты — это попугаи, повторяющие невысказанное.

Как свежи цвета у тех, что были в тени.

«Кровь текуча, — сказал он, — как же ее не проливать?»

В себя холостыми патронами не стреляют.

А вдруг «Не убий!» — текст, записанный с ошибкой или плохо расслышанный?

Все мертворожденное долго не может умереть.

Ни один египетский сонник не объяснил мне, что значит сон о свободе.

Дьявол должен быть жестоким — слишком мало времени отпущено ему евангелием.

Иногда бумеранг не возвращается — он выбирает свободу.

Выкорчевывайте корни зла — они обычно питательны и вкусны.

Человек с золотым сердцем! Не продаatevi, продавая себя.

Не скрещивай шпагу с теми, у кого ее нет.

Толстокожих раздражает даже тонкий намек.

Все хотят нашего добра. Не дайте себя лишить его.

Мир всегда приходит в норму. Важно лишь, чья она.

Сгорает дотла то, в чем нет настоящей искры.

Тот, кому послушен язык, обычно помалкивает.

Тот, кто не знает меры, считает себя самым великим.

Не доверяй своему сердцу — оно жаждет твоей крови.

Те, что проникли в сердце деспота, погибают с его последним ударом.

Мир возник, должно быть, от страха перед пустотой.

Я вижу его насквозь и знаю, кто за ним стоит.

Труднее всего устранить точку, поставленную над «і».

«Не противься злу», которое жаждет собственной гибели.

Хорошо верить в человека, но лучше быть в нем уверенным.

«Деньги не пахнут», но улетучиваются.

Нехитрое дело — стрелять в цель, если она есть.

Среди танцевавших вокруг золотого тельца видели и мясников.

Ни разу не посмотрели друг другу в глаза — шли рядом, уставившись в одну цель.

Все принимал за фальшивую монету — она выше целилась.

Воробей в клетке для орлов чувствует себя свободным.

Пьяные от триумфов становятся алкоголиками.

Не позволяй сердцу сжиматься до размеров сжатого кулака!

Сколько пируэтов должен сделать человек, чтобы другие начали плясать вокруг него!

Болезненный процесс — рождение человека, особенно когда оно происходит в зрелом возрасте.

Карьера человека во вселенной заставляет задуматься, нет ли у него в действительности могучего покровителя.

Вовремя им к цели не поспеть. Она осталась далеко позади.

Как иной раз помогает слепота в меткой стрельбе!

Вечность? Единица исчисления времени.

Не смотрите глазами души в замочную скважину.

Его поэтический полет пошел на снижение, и он высадился на Парнасе.

«Тебе принадлежит весь мир!» — повторяли одному юноше. «Что из того? — отвечал он. — Ведь его не продашь!»

Показывание фиги есть также одно из проявлений «закона кулака».

Если тебя использовали, как инструмент, не ожидай в конце радостного туша.

Показывайте язык прежде, чем стиснете зубы.

Еще вопрос — кто меня называет циником? Циники хотят, чтобы их стало больше.

Равняйте шаг — особенно на поворотах.

Конечно, верностью я не отличаюсь — могу следующего тирана ненавидеть так же, как предыдущего.

Сатирик умирает, прищулив глаз.

Судачили кроты: «Люди — темные существа. Им нужно много света».

Всегда боюсь за святых — как бы их не разорвали на реликвии!

И весы дрожат, когда они в руках человека.

Кто подчищает свою биографию, вычеркивая из нее несколько лет, становится на столько же старше.

Демосфен свободно ораторствовал с камнем во рту. Подумаешь тоже, затруднение!

Надо было бы иметь сто пар глаз, чтобы закрывать их на все.

Не дай столкнуть себя с верного пути — даже людям, идущим в том же направлении.

Великие лунатики обходятся и без Луны.

Когда короли голы, лакеи тоже быстро сбрасывают ливреи.

Некоторые уменьшаются, поднимаясь все выше.

И угасшие кратеры еще дышат. Завистью.

С того времени, как человек принял вертикальное положение, тень его увеличилась.

«Говоришь, он меня высоко ценит? Знаю, он потребовал бы больше, чем 30 сребреников».

«Я слышал, что мир прекрасен», — сказал слепой.
«Говорят», — подтвердил зрячий.

Рассвет часто прерывает самые поэтические сновидения о нем.

Давайте играть в открытые карты — дьявольски азартная штука!

Полицейский пес идет только по легальным следам?

Будьте самоучками — не ждите, чтобы вас научила жизнь.

Из сломанного хребта вырастает психологический горб.

Он был неуступчив. Потребовал от себя компромисса.

А что, если ничего нового и над солнцем?

Легковерные люди — какая опасная секта!

Хочешь заглушить голос своего сердца? Тогда добивайся оваций толпы.

Что за трюк перспективы! Человек заслоняет мне весь мир.

Когда у власти хамелеон, окраску меняет его окружение.

Многие, доискиваясь до истоков, выкопали себе могилу.

Некоторые обретают равновесие, лишь когда перевешивает их чаша весов.

Человек, завоеывая новые миры, не теряй почву под ногами!

Каждому стаду его черную овцу!

Пуритане должны носить два фиговых листка — на глазах.

Кто набрал в рот воды, пусть, по крайней мере, никого потом не оплевывает.

Сколько тостов человек осушает до дна своей горькой чаши.

Стыдно громам погибать в громоотводах.

Надеюсь, что самая низкопробная литература станет когда-нибудь творчеством для избранных. Для узкого круга последних дураков.

Когда обезьяна расхохоталась, увидев себя в зеркале, родился человек.

Достаточно предаться иллюзиям, чтобы испытать реальные последствия этого занятия.

Если выжать сухой факт, из него порой сочатся слезы или кровь.

У каждого класса есть своя мелкая буржуазия.

Новейшие авангардисты! Их заумь ничем не напоминает ту, что мы слышали год назад.

Многие в автобиографиях умалчивают о своем несуществовании.

Трудно гладить животное, когда оно в человеческой шкуре.

«У этого человека наверняка был протез, — сказал доктор Ватсон Шерлоку Холмсу, — ведь он никогда не подал бы руки Х.»

Он вынужден надуваться — так бесхребетен.

Анекдоты о сумасшедших, рассказанные ими самими, звучат волнующе реально.

Не вали все в один мешок — не поднимешь!

Насобиралось много лет. «Создадим ли мы эпоху?» — спрашивали они.

Шовинизм так низок, что проходит в любые щели.

Ставь точку под вопросительным знаком!

Тот, от кого дурно пахнет, любит, чтобы ему кадили.

Человек из породы каннибалов: всю жизнь гложет сам себя.

Враг задевает за живое, чтобы поскорее умертвить противника.

В опасные времена не уходи в себя: там тебя легче всего найдут.

Что из того, что у зайца глаза всегда открыты?

И кнут пускает побег, когда попадает на подходящую почву.

Прямо не верится, что ложь существовала еще до изобретения печатного станка.

Нравственность падает. На все более мягкие ложа.

Порой мерой величия становится отдаленность от преступлений.

Иногда преступлением является как раз алиби.

У него был такой угол зрения, что оттуда выселили.

Не давай чувствам завести туда, где они кончаются.

Те, что не могут превзойти человека, стараются его принизить.

Берегитесь — он макает в чернила нож!

Черепаше приходится быть твердой сверху, потому что она мягкая снизу.

Чем выше место, с которого падаешь, тем больнее.

Кое-кому для полного счастья не хватает только счастья.

Помните, что цена, которую платят за свободу, падает, когда растет спрос.

Не доверяйте людям — они способны на великие дела.

И неверие может быть для кого-то святым чувством.

Вот сила искусства — его героем может быть трус.

Задолго до того, как подумали об искусственном создании человека, его уже умели устранять с помощью искусственной смерти.

Тому, кто единожды чувствовал себя монументом, потом трудно быть даже натурщиком.

Ну и льстецы эти сатирики! Они позволяют себе высмеивать такие добродетели народа, которых у того нет.

Иногда кажется, что в нас живет некто, поселившийся там по распоряжению властей.

Оказавшись в одной яме с волком, не выказывай ему свое пренебрежение.

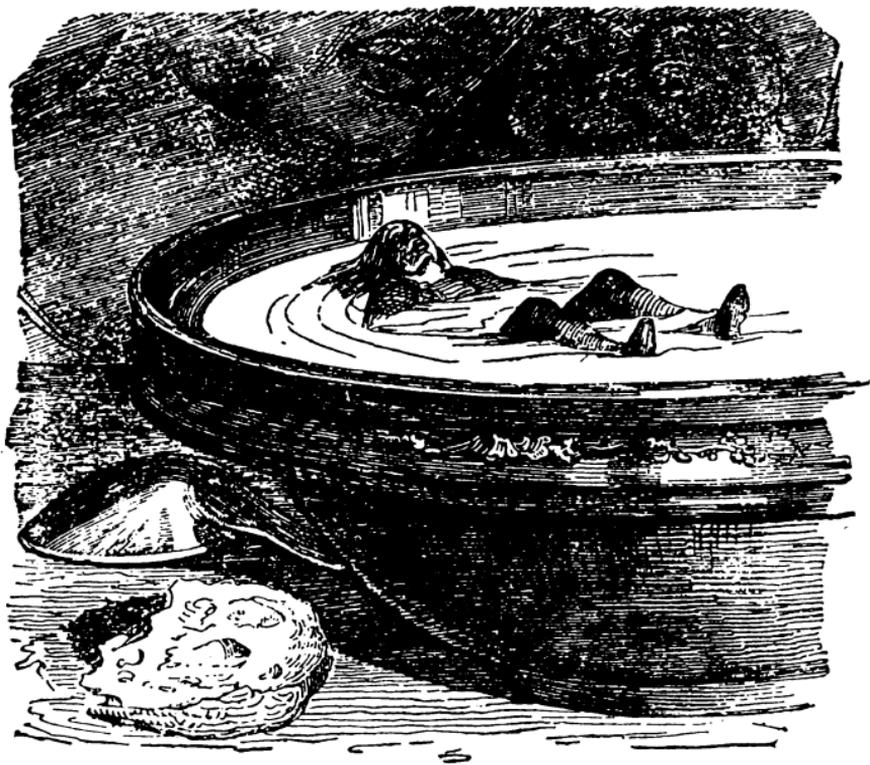
Мудрости на свете должно быть предостаточно, ведь ею мало кто пользуется.

Если бы зверь убивал умышленно, это было бы по-человечески.

Иногда легче дать премию, чем признать правоту.

Если настало время бить тревогу — ударь в колокола, даже не будучи звонарем по штату.

Искусство живет благодаря умам, а не пленумам.

*Когда вода доходит до
рта — выше голову!*

Микрофон не должен удивляться, что он оплеван тем, кто им пользуется.

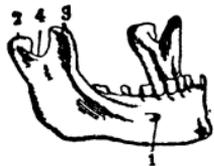
Я видел летающие клетки — в них были орлы.

Всю жизнь последовательно идти к цели можно, если она постоянно отодвигается.

Элитарность надо сделать массовой!

Мир законченной лжи — где все выглядит правдиво.

Широкие горизонты чаще всего открывают лишь в самом узком кругу.

Говорят, лишившись зубов, человек обретает большую свободу языка.

Великий актер обретает собственный облик благодаря гриму, парикку и приклеенному носу.

Я видел великих актеров, игравших самих себя, и тогда понял, как они были бы малы, если бы не были так велики.

Если вам придется разминуться со своей целью, делайте это на безопасном расстоянии.

Многие караульные далеко зашли, делая пару шагов туда и обратно.

Вот это пьеса! Столько сценических персонажей, которые говорят о том, что автору нечего сказать!

*Чтобы его заметили наверху,
распластывался, как мот.*

Когда в политических сказках фигурируют только животные, это признак бесчеловечного времени.

В истории учитываются и несвершившиеся факты.

Пусть показателем будет, сколько населения приходится на одну голову.

Не нужно строить приюты для нищих духом.

Художник, который не изобразил слабого властелина героем, не был реалистом.

Нужны прейскуранты — что предстоит сделать любой ценой.

У меня всю жизнь ощущение, будто я играю драматические эпизоды в каком-то длинном фарсе.

Один штрих мастера иногда разделяет две эпохи в искусстве.

Как приятно вспоминать время, когда свободно предавался воспоминаниям.

Сокрушим Бастилии прежде, чем их построят.

Есть глубоко верующие — они дожидаются только религии.

Разоблаченная ложь думает, что стала правдой.

Я многое постиг во сне — там люди говорят без обиняков.

Французская революция убедительно показала — проигрывают те, что теряют головы.

Легче провозгласить себя Цезарем, чем швейцаром.

Другие все обратили в смех, а я незаслуженно получаю лавры сатирика.

Глубину произведения можно имитировать темнотой стиля.

Литераторы, надо писать не чернилами, а кровью! Но только не чужой.

Что деформировало их лица? Слишком высокие слова.

Люди растут, все труднее им прятаться.

Борьба двух Гамлетов — которому быть, а которому не быть.

Он — каждый раз иной, поэтому может повторяться.

Не следует разгонять скуку силами милиции!

Сатиру не интересуют вещи, которые смешны сами по себе.

Солома в голове некоторых поэтов, очевидно, устраивает Пегаса.

Эксплуатация человека человеком — как здесь все человечно.

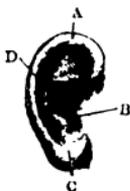
К дидактическому искусству относится и то, которое отучает думать.

То, что один поэт говорит о другом поэте, можно сказать не будучи поэтом вовсе.

Искусство идет вперед, а за ним охрана.

Трагизм эпохи лучше всего передает ее смех.

Увенчаем лавром головы лишь тех, у кого они есть.

Каждый зритель приносит в театр свою собственную акустику.

Принцип: актеру-зайке нельзя играть зайку.

В начале некоторых песен вместо скрипичного ключа стоит параграф авторского договора.

У всех великих трагедий — счастливый конец, но кто в состоянии до него досидеть!

Смотри: когда ты ходишь в блеске славы, преимущество на стороне твоих врагов — они затаились в тени.

Иногда безопаснее, чтобы тебя видели в кривом зеркале, чем в обычном.

Крикнул: «А король-то голый!». Но придворные заткнули ему рот: «Молчи!». «Почему?» — «Может простудиться!»

Мечта рабов — рынок, где можно было бы покупать себе хозяев.

Нет таких глупцов, которые время от времени ими бы не прикидывались.

И Иуды научились носить кресты.

Не все фениксы, восстающие из пепла, признаются в своем прошлом.

В его молчании крылись языковые ошибки.

Третья сторона медали? Грудь, которой она касается.

Vox populi — vox Dei ex machina.

«Не руби сук, на котором сидишь» — дарвиновские обезьяны, как видно, не знали этой поговорки.

Превращение человека в тряпку? Я — за более продуктивное использование людей.

Уже и дьявол наслышан о современном обобществлении и не желает заключать договоров с частными лицами.

Многие не жили своей жизнью, желая обойтись чужой смертью.

Глядя на мир, сощутив глаз, легче скрыть слезу.

Слово за слово человек идет порой всю жизнь.

Хитрецы! Сговариваются с чертями, чтобы те их не пускали в ад.

Жаль, что счастье нельзя найти на пути к нему.

Мул — скотина изворотливая: когда надо, настаивает, чтобы на нем было лошадиное седло, в другой раз ссылается на свою ослиную тупость.

Есть баррикады, пустые с одной стороны.

Тюрьма — не место изоляции от истории.

Хвастался: «Я марширую с ними, но в такт другой музыки!»

Крест у фамилии других многие считают плюсом.

Человеку, подвергнутому колесованию, безразлично, в какую сторону колесо вращается.

Те, что переросли свое время, часто ходят с опущенной головой.

По какому праву распинают на кресте тех, кого почитать и не собираются?!

Мысль никогда не бывает свободна. Она ограничена умственным горизонтом человека.

В наше время нужна всеобщая моторизация, чтобы у людей были тормоза.

Палач не хотел мыть руки после казни. «Ведь я не Пилат!» — возмущенно воскликнул он.

Труднее всего плыть против течения собственной крови.

Свобода должна иметь свои границы.

Человек любит смеяться. Над другими.

Как трудно скрыть свое небытие!

Право слово, далеко не все львы — орлы.

Бывает, что пес машет поводком.

Смотри, бесстыжие могут покраснеть твоей кровью.

Нищие духом способны лишь на дешевый оптимизм. Правда, он дорого обходится другим.

Вести диалог с миром? Только без подслушивающих устройств.

И вас удивляет, что карлики тянутся вверх?

Стоящие у руля часто окружают себя нулями — они напоминают спасательные круги.

Сколько многие хотели бы покинуть самих себя в момент опасности.

На борьбу с насилием иди с открытым челом, чтобы тебе не выжгли на нем каинову печать.

Из его уст выскакивают самые благородные слова. Разве им следует удивляться?

Есть ли вегетарианцы среди людоедов?

Многие люди переживают трагедию. Но не каждому ее пишет Софокл.

Каждый автопортрет — это ню. Ничто так не обнажает натуру.

Проверяйте время от времени подвалы крепостей, защищающих идеалы.

Иногда нужно нахальство, чтобы доказать свою деликатность.

Поэт подозрительно относится к своим словам: каким из них выпадет красоваться на его надгробии?

Порой юморист приходит в отчаяние — невозможно оказаться смешнее дутого пафоса других.

Принесли глупость к мастеру: «Нельзя ли переделать ее на мудрость?» Тот ответил: «И еще кое-что останется».

Был верным знаменосцем. Держа древко, не позволял себя отвлечь ничем — даже заменой флага.

Встретились пигмеи с великанами. «Мы равны между собой!» — сказали пигмеи. — «Да», — ответили гиганты.

Подозреваю, что некоторые властители отрубали бы подданным руки, если бы не нуждались в них для аплодисментов.

Иногда человек испытывает чувство, что болтается на сцене даже не будучи статистом.

Часто крыша над головой не позволяет людям расти.

*А сколько
было потопов
без Ноева ковчега!*

Сколько народу путешествует за пределами собственных горизонтов!

Путь совершенствования искусства — отбор. Но не людей.

Беседы о погоде станут интересны при первых признаках конца света.

Для того, чтобы подняться выше, надо сложить крылья.

У каждого столетия есть свое средневековье.

Люди, нас слишком много, а я боюсь, как бы не стало меньше!

В доме повешенного не говорят о веревке. А в доме палача?

Прекрасная ложь? Да это уже творчество!

Горе диктаторам, которые поверили, что ими не являются.

Мысли, как блохи, скачут с человека на человека. Но не всех кусают.

Вот если бы смерть можно было отоспать в рассрочку!

Факт всегда остается голым, даже если он облачен по последней моде.

И чтобы начать сомневаться, нужно принять решение.

При жизни ему не довелось стоять у позорного столба общественного мнения.

Боги наследуют и качества верующих.

Сокрушая памятники, сохраняйте пьедесталы — могут пригодиться.

Что удерживает нас на планете, кроме силы земного тяготения?

Все в руках человека! Поэтому их нужно мыть чаще.

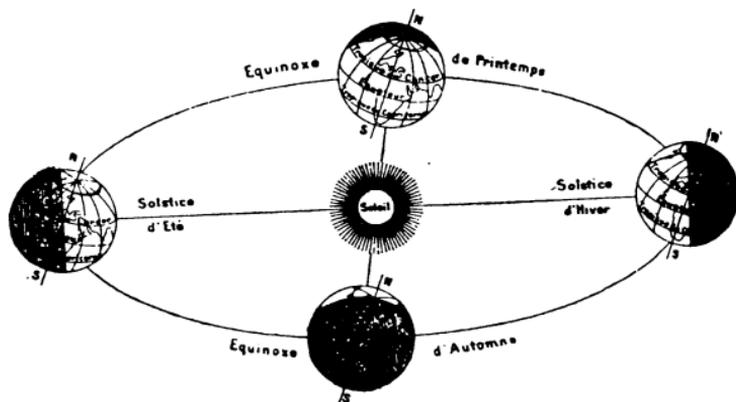
Предпочитаю надпись «Вход воспрещен» объявлению «Выхода нет».

Когда один миф столкнется с другим, это будет вполне реальное сотрясение.

Иногда колокол раскачивает звонаря.

Наконец-то они договорились. Пришли к общему выводу, что являются врагами.

Всегда ставит вопрос с ног на голову — к сожалению, на свою.

*От одной системы мы долго не сможем
отделаться — от солнечной.*

И вору порой ходят в ореоле славы. Вовсе не украденном.

Тревога народа редко рождает трусов.

Нужно наплодить столько мыслей, чтобы на них не хватило охранников.

Вы спрашиваете, как долго вызревали мои мысли. Всего шесть тысяч лет.

XI заповедь: «Не чужесловь!»

Не говори о человеке плохо, ведь он подслушивает в тебе.

Что такое хаос? Это тот порядок, который был уничтожен при сотворении мира.

Если бы искусство разговора стояло у нас выше, ниже оказался бы прирост населения.

Вертикаль и горизонталь образуют вместе крест.

Упала ли когда из ока провидения человеческая слеза?

Нелегко жить после смерти. Иногда на это нужно потратить всю жизнь.

Я как-то получил письмо от читателя: «Чтобы понять ваши „Непричесанные мысли“, надо быть очень начитанным». Сразу ответил телеграммой: «А как же!»

Все нужно принести в жертву человеку! Только не других людей.

**«Из одного креста можно было бы сделать две пере-
кладыны для виселиц», — презрительно отозвался
специалист.**

Букву закона следовало бы включить в алфавит.

Костры инквизиции не рассеяли мрак своей эпохи.

**Не поворачиваться спиной к действительности? А раз-
ве действительность не окружает нас со всех сторон?
Ох!!**

Дьявол в аду — персонаж положительный.

**А может, следовало бы ввести наказание пожизнен-
ным тюремным заключением, усугубленным искусст-
венным продлением жизни?**

**Я видел титана, штопавшего носки. Это было его пер-
вое титаническое усилие.**

**Мысли некоторых людей так ничтожны, что не дохо-
дят даже до их головы.**

Как пахнут розы? Профессионально.

И кастраты духа берут самые высокие ноты.

Он? Это человек энциклопедически необразованный.

Когда падают головы, не опускай собственную.

Мы поделились с другими своими богами. А как боги поделились нами?

*Как душно! Откройте окна —
пусть и на улице это почувствуют.*

Берегитесь человека, набравшего в рот воды: такой может оплевать.

Они так прижались друг к другу, что уже не осталось места ни для каких чувств.

Мне хотелось сказать миру одно слово. Так как сделать этого я не смог, то стал писателем.

Salto morale много опаснее, чем salto mortale.

На него пала тень подозрения. В этой тени он и скрывается.

А если людоед пользуется вилкой и ножом — это прогресс?

Заметили — крышка гроба со стороны его обитателя обходится без украшений?

Иногда черт меня искушает, чтобы я поверил в бога.

Труднее всего отыскать правду в эпоху, когда все может оказаться правдой.

Обращаться лучше всего к чужим богам: они выслушают вас вне очереди.

И время Эйнштейна зависело от его часов.

Дно — это дно, даже если находится сверху.

Можно изменить веру, не изменяя бога. И наоборот.

Велика сила ничтожества.

Вы спрашиваете, как играл этот виртуоз? В его игре было нечто человеческое: ему довелось ошибиться.

Вы можете вообразить себе женщину, которая рассказывала бы своему возлюбленному сказки в течение 1001 ночи?

Были и такие мученики, что проделали крестный путь в обратном направлении.

Брак — это институт. Так не слишком ли мало в нем сотрудников?

Имел столь высокое представление о своей особе, что временами казался себе карликом.

Во что превращается дьявол, когда перестает верить в бога?

Берегитесь, чтобы не попасть под колесо чужой фортуны.

Есть Великое Ничто и маленькое ничтожество.

Иногда нужно умолкнуть, чтобы быть услышанным.

Кому-то достанется львиная часть льва.

Совершил преступление: убил человека. В самом себе.

Перенаселенность мира привела к тому, что в одном человеке живет много людей.

Нужны были бы и вытрезвители для пьяных от счастья.

То, что человек умер, еще не доказывает, что он жил.

У ангелов существуют свои черти, а у чертей свои ангелы.

Перспектива — замечательная штука, она позволяет увидеть врагов совсем крохотными.

И легкость имеет свою весовую категорию.

Страшная вещь — слабости сильного.

И голос совести проходит мутацию.

Одиночество, как ты перенаселено!

Не ходи проторенными путями, а то поскользнешься.

Неосуществленные поступки часто вызывают катастрофическое отсутствие последствий.

Улыбка рождает смех, а он плодит усмешки.

Триумф человековедения — акты секретных служб.

Путь наименьшего сопротивления — тот, где отказывают любые тормоза.

Не всякое серое вещество имеет нечто общее с мозгом.

И полицейская дубинка бывает указателем пути.

Актер должен иметь, что сказать, даже если исполняет немую роль.

Самая кровавая трагедия, когда зрителям кровь ударяет в голову.

И механизм диктатуры — не перпетуум мобиле.

И маятник идет в ногу со временем.

Власть чаще переходила из рук в руки, чем из головы в голову.

Шекспир, возможно и не был Шекспиром, но Х. наверняка им не является.

Актеры, сыграв свою роль, сходят со сцены. В театре.

Только вечный творческий голод поэтов может насытить литературу.

Нередко комедию жизни может передать на сцене только трагедия.

Плагииаторы могут спать спокойно. Муза — дама, и вряд ли станет распространяться, кто у нее был первым.

Берегитесь тем, от которых нельзя отвязаться!

В каждой стране вопрос Гамлета звучит по-своему.

Пегасу даны крылья, чтобы ему труднее было брыкаться.

Обязан ли человек, открыв нечто ценное в себе, уведомить об этом ближайшее отделение милиции?

Когда людям не до смеха — рождаются сатирики.

Тот, кто рождается классиком, не умирает. О нем забывают.

Интеллектуальное самообеспечение — удел гениев и дураков.

Наше незнание простирается на все более далекие миры.

Любовь к отчизне не знает границ — соседей.

Пальцы слуг должны оставлять отпечатки своих хозяев.

В некоторых словарях нет слова чести.

Страшно, если у одного хозяина имеется огромное число рабов. Но не лучше, когда у одного раба очень много хозяев.

Толпа кричит одним большим ртом, а ест сотнями маленьких.

Самое слабое звено цепи — сильнее всего: оно разрывает узы.

Одни хотели бы понять то, во что верят, другие — поверить в то, что понимают.

Будь реалистом: не говори правду.

Каждый язык должен создавать в данное время такие каламбуры, какие нужны его народу.

Идеи приходят в голову изнутри.

Ты — дитя своего времени, но тебе принадлежит выбор второго родителя.

Не бренчи ключами тайн!

Человеческая прямолинейность не всегда кратчайший путь к цели.

Дьявол не спит. С кем попало.

Его пытали, надеясь отыскать в нем собственные мысли.

Эпохи создает археология.

Для прыжка в пропасть трамплин не нужен.

Не все, что утратило устойчивость, может быть колыбелью.

Плюнешь на тряпку, она сама утрется.

Не прячь голову в песок, не лишай работы могильщиков.

Те, что сгорели понапрасну, посыпают себе голову пеплом.

Многие, выпустив из рук руль, могли бы стукнуть себя по лбу.

Вся надежда на то, что кроме закона джунглей существует, должно быть и их беззаконие.

Некоторые, когда у них вынимают кляп изо рта, не меют от восторга.

Есть и такие, что погружаются на большую глубину, чтобы пускать оттуда маленькие пузырьки.

Вы думаете, этот автор мало чего добился? Да он один снизил общий культурный уровень!

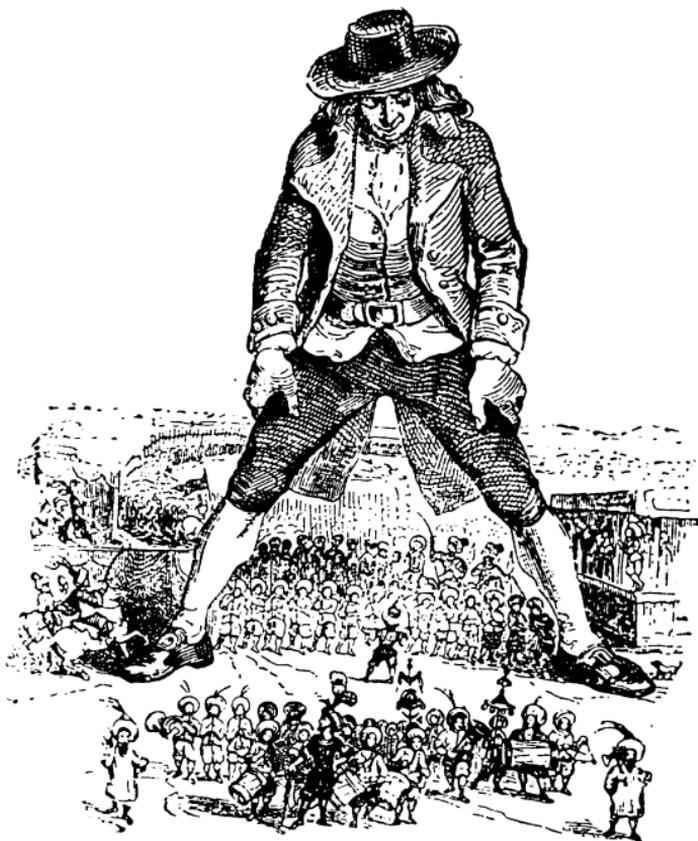
Из опыта стрелка — большую цель труднее поразить, чем малую.

Не следует драматизировать жизнь! А вдруг отыщется лучший исполнитель на вашу роль?

Первым кидай камень, иначе тебя назовут эпигоном.

Политики, советуйтесь с медиками: что еще смогут переварить граждане.

«Все нужно сносить со стоическим спокойствием», — рекомендуют чаще всего (как ни странно) циники.

*Чувствуя в себе признаки
величия, взгляни на
карту — не оказался ли ты
случайно в стране пигмеев.*

Плыви за акулой — попадешь к людям.

Снился мне Фрейд. А что это значит?

Иные дуют во что-нибудь до последнего издыхания.

Часто надо отойти в сторону, чтобы увидеть профиль эпохи.

«Не люблю, когда наступает свобода, — признался раб со стажем, — тогда рвутся цепи, связывающие нас друг с другом, и человек остается один, как перст».

Уж сколько раз осуждали преступления. За их неудачное совершение.

Неизменный аргумент пигмеев: «Мы ближе всех к земле!».

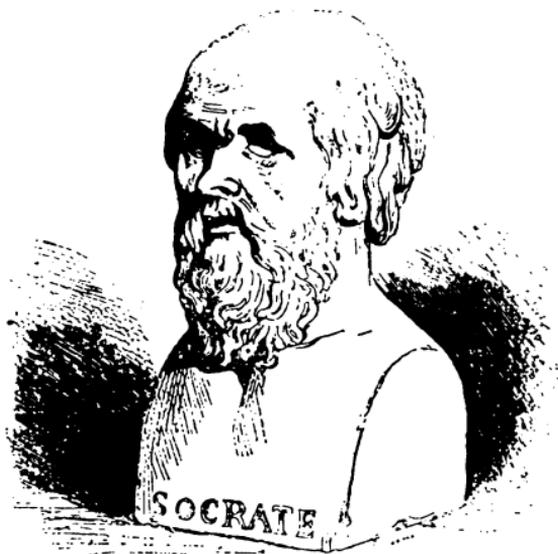
Он плыл со всеми по течению. Но кролем, пряча лицо.

Земля — это точка под знаком вопроса!

На что мне «Путеводитель по аду»? В нем он представлен как небо.

Тебя продадут с потрохами, позаботься только о своем качестве.

Тот, кто смог бы доказать, что является потомком Спартака, был бы сегодня не левым радикалом, а гордостью римской аристократии.

*С Сократами пьют на брудершафт
цикуту.*

Продавал себя обеим сторонам. «Для душевного равновесия», — пояснял он.

Бывают времена, когда люди лгут и говоря во сне.

Великих государственных мужей рождают не матери, а Плутархи.

«Все вертится вокруг человека», — сказала колесо в камере пыток.

Он написал: «Растет поголовье скота». Оптимист? Пессимист?

Нам не суждено было родиться под счастливой звездой. Мы родились на ней.

Путь к добродетели небезопасен, ведь здесь действует двустороннее движение.

Решился на самоубийство, но дожидается потопа.

Как же редки случаи, когда человек оказывается равен себе!

Каково предназначение человека? Быть им.

И, плывя через Стикс, люди боятся, как бы не утонуть.

Человек — единое целое, разве что ближние постановят иначе.

Гуманизм переживет человеческий род.

Давайте бороться за чистоту человеческого интерьера!

Преображается и категорический императив. Раньше восклицательный знак в конце напоминал дубину, теперь — ракету.

Тот, кто спасается после кораблекрушения, имеет право вторично открыть Америку.

Подслушивает под чужими дверьми? Не может иначе — глух к голосу совести.

Что за магнит для туристов! Сколько в этой стране развалин-людей!

Не отдавай честь тем, кто у тебя ее отнял.

Глубины исследуют, бросая в них камни.

Полицейские государства населяют отнюдь не только полицейские.

Раньше люди были ближе друг к другу. По необходимости: еще не создали оружия дальнего боя.

*Сколько масок должен надеть человек,
чтобы не почувствовать пощечину?*

И умершие молчат лишь до времени, которое выскажется за них.

Мрак царит в стране, где негодяй провозглашен светочем.

С географических карт исчезли белые пятна. Выступили кровавые.

Бросил свою последнюю карту. Теперь берегись — у него свободные руки.

*Аппетит (других)
приходит во время еды
(нашей).*

Сколько таких, что согласны гнуть шею ради созерцания собственного пупа.

В знак траура флаги приспускают до середины древка, в моменты радостной эйфории они порой падают еще ниже.

И зло обещает лишь осчастливить нас.

Ошибайся коллективно!

Фемида слепа. Поэтому она не видит своих слуг?

Часто литературу обвиняют в том, что она облегчает заключенным бегство от действительности.

Нет бесполезной красоты. Она существует хотя бы для того, чтобы ее могли ненавидеть.

Мы по горло сыты чужим недоеданием.

Антеи, берегитесь трясины!

Заботятся у нас о творческой неудовлетворенности художников!

Орлы должны совершать свои отправления в тучах!

Временами ложь так тесно прилегает к правде, что жить в такой щелочке трудно.

Надпись на пьедестале памятника порой звучит как объявление о розыске преступника.

Из оптики: издалека все выглядит крупнее.

Люди растут. И враждуют из-за того, кто из них выше.

Бедная земля, все наши тени падают на нее.

И ордена бренчат о себе по-разному.

Не оскорбляй другого на языке, которого тот не знает! Это садизм.

Трудно возникнуть мирам, в начале которых — Слова, Слова, Слова.

Улочка, из которой можно вернуться назад, еще не тупик.

Какое благосостояние должно быть достигнуто в государстве, которое может позволить себе, чтобы половина его населения сидела в тюрьмах на казенный кошт, а другая — ее охраняла?!

Умные мысли выходят из головы, как Афина Паллада, а прекрасные — из пены, как Афродита.

Распускают слухи, будто меня интересует моральная сторона политики. Боже упаси! Да что я — мистик?

О нем можно писать только в превосходной степени. Разумеется, негативно.

Некоторые никогда не выпускают из рук руля, ведь он может пригодиться и на другом судне.

Когда рождается пессимизм? Когда сталкиваются два разных оптимизма.

Я так полон оптимизма, что больше в меня его не влезет.

Настоящего мужчину узнаешь везде, даже если он голый.

Поступок следует за мыслью, но, горе нам, если он ее обгоняет.

Слов «Мир прекрасен!» обычно требуют от меня как раз те, что мне его опаскудили.

Страшное дело — плыть в грязной реке против течения.

Правда всегда всплывает на поверхность. Но сначала она ныряет поглубже.

Колоритная фигура: все время меняет цвета.

Должно ли искусство быть понятным? Да, но только для своих адресатов.

И слово, потерявшее свои функции, порой остается в штате.

«Мы всегда возвращаемся к нашей первой любви». Может быть. Но каждый раз с иной целью.

Сатирики, избавляйтесь от слов, пусть говорят цифры!

Преступники несли транспарант: «Запретить пытки нашей совести! Дайте ей спать спокойно!»

И Мессия с нетерпением дожидается своего пришествия.

*Учтите опыт
орнитологов. Чтобы
писатели могли
расправить крылья, они
должны свободно
пользоваться перьями.*

Железный человек. Поэтому он не ощущает цепи как нечто чужеродное.

Марионетки напрасно мечтают о монологе Гамлета.

Опасно смешить беззубых тиранов!

Кто обнаружил эхо, любит повторяться.

Дрожит и листок. А за что он может быть привлечен к ответственности?

Тирания — муза проповедников и морализаторов.

*Как уменьшаются карлики,
увиденные через
увеличительное стекло!*

Когда слово становится делом, оно перестает быть литературой.

Создавайте мифы о себе, ведь боги поступали не иначе!

Я поймал счастье за хвост. Оно вырвалось, оставив в моей руке перо, которым теперь и пишу.

Его мысль — чистое наслаждение. Никого не оплодотворяет.

Воскреснуть без согласия на то убийц — храбрость!

Некоторые наживают себе трагедии, как мозоли: от одного хождения по земле.

Иные шутовские погремушки звучат фальшиво!

И пролитая кровь пульсирует. Пульсом эпохи.

Время, изобилующее гениями. Но, надеюсь, что будет и несколько способных людей.

Выдал себя: раскланивался лавровым венком, как котелком.

И маленькими актерами создаются великие образы.

Будь сентиментален. Это позволит тебе вспомнить с чувством даже былые трагедии.

Не стоит пропагандировать чистый абсурд там, где царит абсурд всеобщий.

Наиболее плодовито бесполое искусство.

Поэты, как дети: сидя за письменным столом, не достают до земли ногами.

Там, где царит жестокий закон, люди мечтают о беззаконии.

Свобода нередко демонстрирует извращенность: отдается своим противникам.

Страшнее всего поступки людей, никогда не существовавших.

Все уже открыто, и только область пошлости — сплошная целина.

Наклеивал повсюду фиговые листки, но лояльно писал, что под ними кроется.

Чтобы стать реалистическим, искусство должно было прежде деформировать человека.

В зеркале речи часто отражаются не обнаруживаемые обычно человеческие органы.

Иногда кажется, что судьбами богов и людей распоряжается кто-то третий.

Главную роль в этой пьесе играет политика. И проваливает ее.

Хлеба и зрелищ! Причем хлеб должен быть все белее, а зрелища все кровавее.

Выходя за пределы домашних четырех стен, искусство порой попадает в каменный мешок.

Две гильотины стояли рядом. А палачи соревновались — кому из них собственную голову отрубят позже.

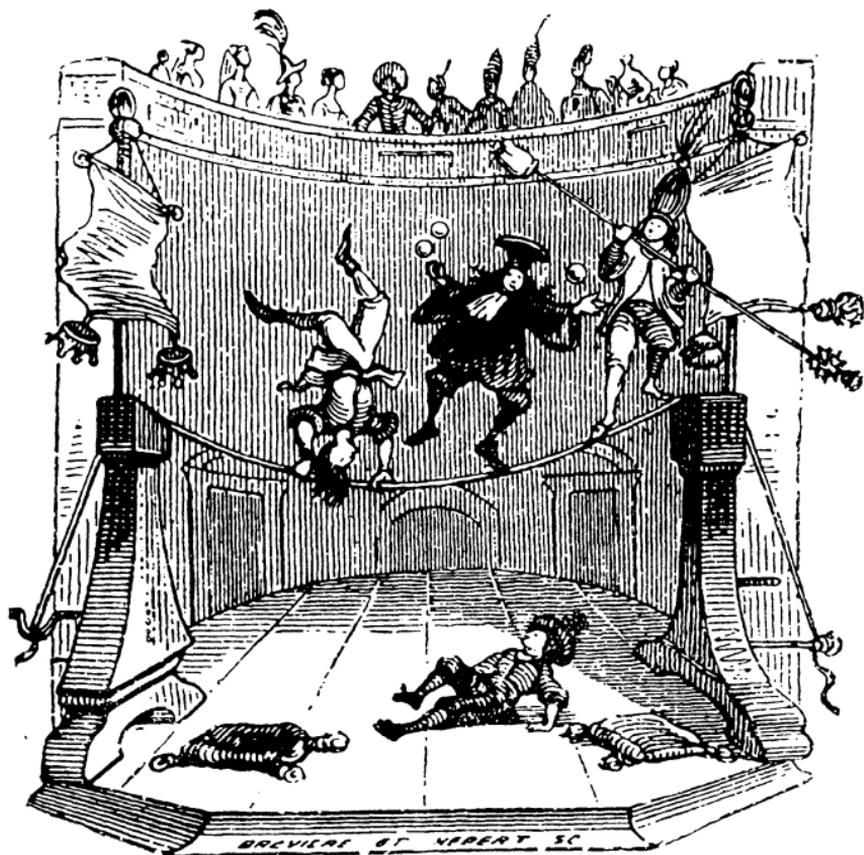
Помни, все на этой земле тяготеет к падению.

Сезам, отвори — я хочу выйти!

Существуют пародии на несуществующие вещи.

Из множества нулей легко образуется цепь.

Не будите догадок, если не умеете их усыплять.

*Как часто мы играем
комедию, не надеясь на
аплодисменты.*

Носит власяницу, но ее покроем очень недоволен.

И блоха не скачет от радости.

Требуйте для мышления восьмичасового рабочего дня!

О, лирики! Мы пишем вилами по воде через копирку.

Ах, знать бы домашний адрес Господа Бога!

Меткий выстрел: не попасть в человека.

Заселить мир легко. Заставить его обезлюдеть тоже.
Так в чем же трудность?

Сумма углов, по которым я тоскую, явно больше 360° .

Изыди, сатана! Дьяволица-то как раз у меня.

Законы физики открывают обычаи природы.

Имеет ли право людоед говорить от имени съеденных им?

А когда цель сама попала в цель?

Вес проблемы измеряется брутто. Вместе с нами.

Нетрудно спеть свою песенку до конца — тем более, что припев все время повторяется.

Хорошо бы жить через копирку, чтобы в случае исчезновения иметь доказательство существования.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я видел только себя, и она только себя видела.

Не каждому жизнь к лицу.

Что такое мечта? Это, скажем, когда ешь охотничью колбаску, а думаешь о сосиске.

Когда наступает рассвет, зависит от географического положения.

Многие из тех, что обогнали свое время, вынуждены потом его дожидаться в не слишком удобных помещениях.

Будьте своим собственным министром внутренних дел!

Смейтесь до слез! Это устроит как оптимистов, так и пессимистов.

Не всякий залп — вестник революции.

Я предпочел бы, чтобы Давид убил Голиафа арфой.

Две параллельные линии в бесконечности сходятся — и они в это верят.

Настоящая сплетня никогда не должна подтверждаться стопроцентно.

Себя можно оплевать не открывая рта.

Мы всё понимаем, и поэтому ничего не можем понять.

И душе порой нужна диета.

Дубины древних людей были игрушкой. Сегодня это понял бы даже убитый ими.

Ответственность любит удобства, она охотно почит на плечах неприкасаемых.

Восклицательный знак, который раскис и сник, становится вопросительным.

В голове бродят разные мысли. Некоторые даже ее покидают.

Люди, чтимые как божества, со временем, действительно, теряют человеческий облик.

Оказавшись на любой вершине, ты стоишь над пропастью.

Не знаю, была бы рыба немой, если бы имела столько секретов, как мы.

Всегда надо быть лишь самим собой. Конь без улана — все конь. Улан без коня — только человек.

Не сгибайся, а то тебя выпрямят!

По скромности считал себя графоманом, а был доносчиком.

Верующий ли я? Об этом один Бог знает.

Реформа календаря не сократит срок беременности.

За дешевку люди охотно платят очень дорого.

«Это всего лишь метеор», — презрительно сказала свечка.

Мне снился кошмар: засилье бюрократов в стране, где недавно ликвидирована неграмотность.

Любопытный пример самозарождения: писатель рождает образные определения до рождения определенного образа.

«С евнухами можно долго беседовать», — рассказывала одна дама из гарема.

Глупость — мать преступлений. Но среди отцов встречаются гении.

Не следует допускать того, чтобы городской транспорт годился только на сооружение баррикад.

Во сне мне привиделась действительность. С каким облегчением я пробудился.

Если услышишь: «Да здравствует прогресс!» — всегда поинтересуйся: «Прогресс чего?».

А, может, у него нет души в наказание за то, что он в душу не верит?

Первым условием бессмертия является смерть.

Свободу симулировать невозможно!

Для лошадей и для влюбленных сено пахнет по-разному.

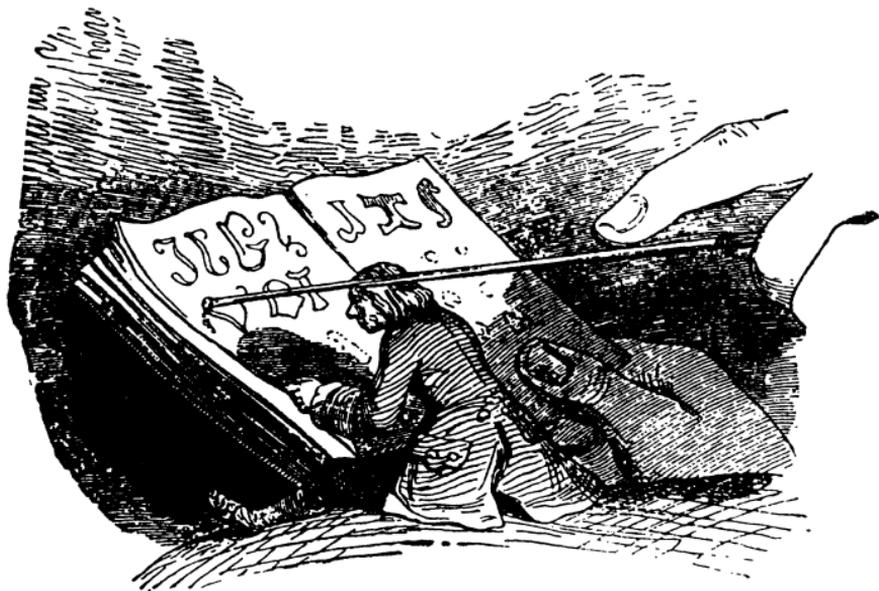

Нельзя сыграть «Песню свободы» с помощью инструмента насилия.

Знаю, откуда взялась легенда о еврейском богатстве: евреи за все расплачиваются.

Штаны можно протереть и на троне.

Конституция государства не должна нарушать конституцию граждан.

*Неграмотные вынуждены диктовать
грамотным.*

Если ты человек бесхребетный, не лезь из кожи!

Сатирики, осторожнее с шутками! В фильме Рене Клера «Да здравствует свобода» (1931 г.) звучал рефрен одной из ироничных песенок: «Le travail c'est la liberté» («Работа — это свобода»), а в 1940 г. на воротах концлагеря в Освенциме появилась надпись: «Arbeit macht frei!» («Работа делает свободным!»).

Делить людей можно по-разному, это известно. Скажем, на людей и нелюдей. Палач же удивился: «А я делю их на головы и туловища».

Мне говорили о нем: «Это лев!» Ну что же, пустынь у нас нет. Его надо отдать в зоопарк или в цирк. Или, изготовив чучело, в музей.

До глубокой мысли надо подняться.

Я красив, силен, умен, добр. И все это открыл я!

Окно в мир можно завесить газетой.

Хоть давай корове какао, шоколаду не надоишь.

А может, сам Бог выбрал меня в атеисты?

Иногда крючок проглатывают вместе с рыбаком.

«Почему, — спросил я одного критика, — вы написали об этом как об эпохальном событии, имеющем переломное значение?» «О чем это?» — поинтересовался он.

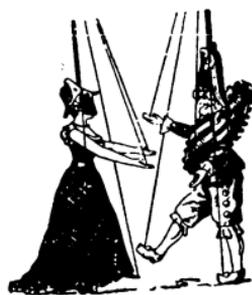
Переливание крови нередко совершается из кармана в карман.

Люди, не скромничайте. Не притворяйтесь львами.

Не могу пылать негодованием при звуке имени Герострата, покуда не видел архитектуры храма Дианы в Эфесе.

Полные люди живут короче. Но едят дольше.

Не рассказывайте своих снов. А вдруг к власти придут фрейдисты?!

Марионетки легко превращаются в повешенных, так как веревки уже есть.

В одних странах изгнание является самым суровым наказанием, в других его добиваются лишь самые гуманные из граждан.

Кому отдать в жены свободу, чтобы она принесла наследников?

Уже сам знак параграфа выглядит как орудие пытки.

У кого хорошая память, тому легче о многом забыть.

Не руби сук, на котором сидишь, разве что тебе грозит опасность быть на нем повешенным.

*Овладел наукой,
но ее не оплодотворил.*

И мазохисты на пытках открывают все. Из благодарности.

Никогда не открывай двери тем, что открывают их и без твоего позволения.

И объективные люди не вполне объективны, ибо они на стороне справедливости.

Иудин поцелуй затыкает поэту рот.

Овца, имевшая золотое руно, не была богатой.

Можно умереть на острове Святой Елены, не будучи Наполеоном.

Богу — богово, кесарю — кесарево! А что людям?

В одном из дамских покоев дворца в Ланьцуте стоит прелестное биде Марии-Антуанетты в стиле рококо. Должно быть, я очень испорченный человек, так как при виде этого изящного аксессуара королевы сразу начал думать о французской революции.

Из провинции поступило предложение, чтобы за меньший гонорар я поставлял им менее ценные «Мысли».

Как это допустили тогда Сотворение Мира!!!

Не будь снобом. Никогда не лги, поскольку правда ценится выше.

Он так мало начитан, что вынужден сам придумывать цитаты из классиков.

Жизнь — очень нездоровая штука. Кто живет, тот умирает.

Любой смрад, сражающийся с вентилятором, считает себя Дон Кихотом.

Воспитание жонглера должно обязательно включать в себя незнание законов физики.

Темные окна иногда бывают ясным доказательством.

Как упражнять память, чтобы научиться забывать?

Когда сплетни устаревают, они становятся мифами.

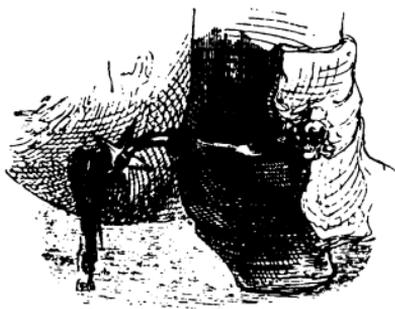
«Заяц любит свеколку», — таково мнение повара.

А что евнуху от появления гражданских браков взамен церковных?

Осины дрожат в любой стране и при любой системе.
И — черт возьми! — везде зеленеют.

Даже стеклянный глаз видит свою слепоту.

Можно ли расходиться с правдой? Да, если ее опережаешь.

Иногда даже глупый сапог оставляет после себя неустрашимый след.

За каждым углом нас поджидает несколько новых направлений.

Пегас не должен быть подкован на все четыре ноги.

И медные лбы полны блеска.

Иной, продираясь не пьедестал, повис на фонаре.

Попробуй сказать что-нибудь, не обращаясь к фольклору, пословицам, крылатым словам, не затронув — хотя бы общеизвестной — литературы. Как же трудно, согласишься, быть неучем!

Не зови ночью на помощь. Еще разбудишь соседей.

На Востоке нас называют Западом, а на Западе — Востоком.

А она? Даже окулист не обнаружил бы в ее глазах ничего больше, чем три диоптрии.

Удобное ли мировоззрение скептицизм? Скептики относятся к этому скептически.

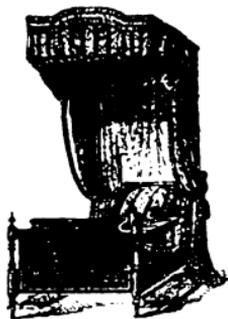
Глупость не освобождает от мышления.

Возмущение никогда не должно быть столь глубоким, чтобы мог наступить его взрыв.

В начале было Слово, а в конце фраза.

Оптимизм и пессимизм различаются лишь в дате конца света.

В Вене мне демонстрировали кровать, в которой спал Грильпарцер. Ба! Я часто вижу кровать пани Х., в которой спал поэт А., музыкант Б., художник В., актер Г. И это только до сего дня!

И подумать только, что на огне, похищенном Прометеем у богов, сожгли Джордано Бруно!

«Не дразните льва!» — «Почему?» — спросил я у сторожа. — «У него начинается понос», — услышал в ответ.

Помиритесь! Пусть теологи размышляют над тайной «бытия, которое определяет сознание».

Садисты и мазохисты должны вместе создавать объединения, тресты и государства на основе полного самообеспечения.

Икс — это великий человек!

*«Голый король», но
в великолепном убранстве.*

В 1957 г. в неволе родилась первая горилла. Это великое свершение науки. Теперь мы сможем точно сосчитать, сколько миллионов лет существует человек.

«Ах, как мне хотелось бы еще раз пережить старость!» — думал молодой покойник.

Если бы не то, что человек живет на свете, сомневался, чтобы он интересовался политикой.

Кто потерял голову, у того она часто болит.

«Мертвые души» обычно потребляют больше, чем животы живых.

Канонизация убивает в моих глазах человека, которого я мог бы считать святым.

И прозрачная цель бросает тень.

Крестом на кладбище мы за каждого умершего записываем плюс смерти.

Во что я верю? В Бога, если он существует.

«У него птичий мозг», — говорили об одном орле.

Даже охотясь на слона, порой нужно убить блоху.

Люди, не имеющие с искусством ничего общего, не должны иметь с ним ничего общего. Просто, не так ли?

Можно быть и виртуозом фальшивой игры.

Сломал свою жизнь! Теперь у него две разных, очень приятных жизни.

Некоторые ступени карьеры ведут на виселицу.

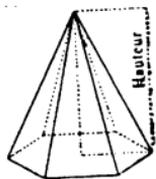

Человек растет в цене, которую платит.

Не спрашивай у бога путь на небо — он укажет тебе самый трудный.

Цени слова! Каждое из них может стать для тебя последним.

Мир, должно быть, имеет форму пирамиды, так как самая большая его часть — дно.

Хотят ли тезис и антитезис, чтобы их объединяли в синтез?

И ненужные люди, оказывается, постоянно нужны.

Не каждая ночь кончается с рассветом.

Раны зарубцевываются, но рубцы растут вместе с нами.

Трагедия Р. заключается в том, что он обожает себя, а быть собой не может.

Откуда ветер знает, в какую сторону дуть?

Чем богаче у человека фантазия, тем более убогим он себя ощущает.

Идеалисты мечтают о материализации духов.

Босой не ступает по розам.

Выход чаще всего там, где был вход.

Когда народ лишен голоса, это заметно даже при исполнении гимна.

Отважный писатель! Поставил точку, не написав предложения.

Отрицание есть позитивный элемент целого.

Некоторые характеры несокрушимы, но эластичны.

*Новость:
намордник-невидимка.*

В борьбе идей погибают люди.

Надо иметь много терпения, чтобы ему научиться.

«Прогнило что-то в датском государстве». Ой, какая же она огромная — эта Дания!

Чем мельче ее обитатели, тем большей кажется империя.

Можно открыть рот от восторга, закрыв его потом зевком.

Перестает ли сюрреализм быть собой, если он воплотился в действительность?

Предпоследний могоканин часто убивает последнего, чтобы стать им.

Легче всего заблудиться в бору, когда его срубят.

Многие нули воображают себя эллипсом, по которому движется Земля.

Капитан оставляет корабль последним. Поэтому адмиралы так спокойно спят во время морской бури.

И легкость имеет свой вес.

Призыв некоторых: «Прекратим уничтожать друг друга!» — бывает понят превратно, ведь они требуют монопольного права уничтожать других.

Пословицы часто друг другу перечат. И именно это — свидетельство народной мудрости.

Можно закрыть глаза на действительность, но не на воспоминания.

Почему мы сваливаемся с луны всегда на ту же самую землю?

Когда на кровь упадет немного слез, каким все становится розовым.

Против некоторых людей следовало бы возбудить процесс мышления.

Надо, чтобы мысли множились быстрее, чем число тех, кто их контролирует.

Новые боги наследуют от старых и свойства, и верующих.

Я сам раз видел чудо. Это было тогда, когда обошлось без чудес.

Ошибка становится ошибкой, а рождается-то как истина.

На средневековых процессах колдуньи признавались, что общались с дьяволом. Мы возмущены — как можно было принудить их к таким показаниям, ведь дьявола не существует! Но голос разума твердит нам: «Неправда, неправда, неправда! Дьявол существует — он-то и был инквизитором».

Воскреснуть могут только мертвые. Живым труднее.

Осужденный никогда не дорастает до виселицы.

*Тот, кто судорожно
цепляется за жизнь, может
вместе с ней погибнуть.*

Стрелку, указывающую, каким путем идти в жизни, не найдешь ни на каких часах.

Только поэт мог бы составить опросный лист для Господа Бога.

Мнения обычно разделены — между сильными.

Дорожные указатели стоят на месте.

Чтобы начать колебаться, надо принять твердое решение.

И пустой запечатанный конверт заключает в себе тайну.

Не ходи проторенными путями, а то поскользнешься.

Ударь по струнам — отзовутся ножницы.

Перспектива — приятная вещь: можно увидеть врагов такими крохотными!

Страшное дело — слабости сильного.

Герои античных мифов были почти нагими, герои мифов современных, как правило, абсолютно голы.

За вину отцов часто награждают лишь сыновей.

В уважающих себя театрах должен быть специальный люк для провалов со стыда.

Не пробуждайте ассоциаций, если не способны их усыплять.

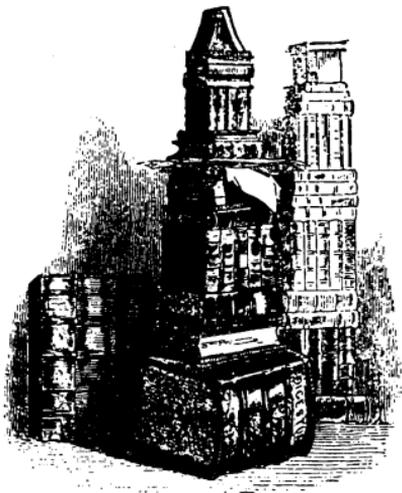
*Все уже давно написано.
По счастью, не обо всем
еще подумано.*

Можно оказаться на дне,
не достигнув глубины.

Бог Янус был двуликим. Славянскому Святовиду понадобилось уже четыре лица, а существовали боже-ства еще более многоликие. Это свидетельствует о том, сколь трудна ситуация современного общества, опекаемого Богом.

Я нахожу антропологию лженаукой. Ее определение человека заставляет считать мир перенаселенным.

Беда, если голова триумфатора окажется между ладонями аплодирующих ему.

Того, кто сбился с пути, ведущего в ад, не испугает предостережение: «Эта дорога никуда не ведет!»

Мы все ближе к открытию наукой Бога, поэтому я содрогаюсь, думая о его судьбе.

Иногда дьявол искушает меня поверить в Бога.

Страус, ты спрятал голову в песок клепсидры!

Сколько людей странствует за пределами собственных горизонтов!

Ретушируя картину мира, и человек не может выйти сухим из воды.

Люди — это «навоз истории»? Надо и здесь как можно скорее перейти на искусственные удобрения.

Результат давления зависит от материала — одни становятся меньше, другие — больше.

А, может, аргонавты подозревали, что под золотым руном кроется золотой телец?

Можно переменить веру, не меняя Бога. А также наоборот.

Наше общество можно назвать состоятельным — правда, преобладает в нем нетрезвое состояние.

Историки искусства, вы уже открыли стиль для созданного нами мира?

Людоед высоко ценит человека.

«Стоит ли быть бабой на столь короткое время?» — думаю я, увидев зимой лепящих ее из снега детей.

Некоторые люди смотрят так, будто глядят на мир через глазок тюремной камеры.

Предписание: «Живые, соблюдайте тишину на кладбище, коли на это способны даже умершие».

Часы бьют. Всех.

Существуют пародии на несуществующие вещи.

Перст божий никогда не оставляет идентичных отпечатков.

Обрить можно даже бороду пророка!

Мне приснилась реклама противозачаточных средств: «Не появившиеся на свет будут вас благословлять!».

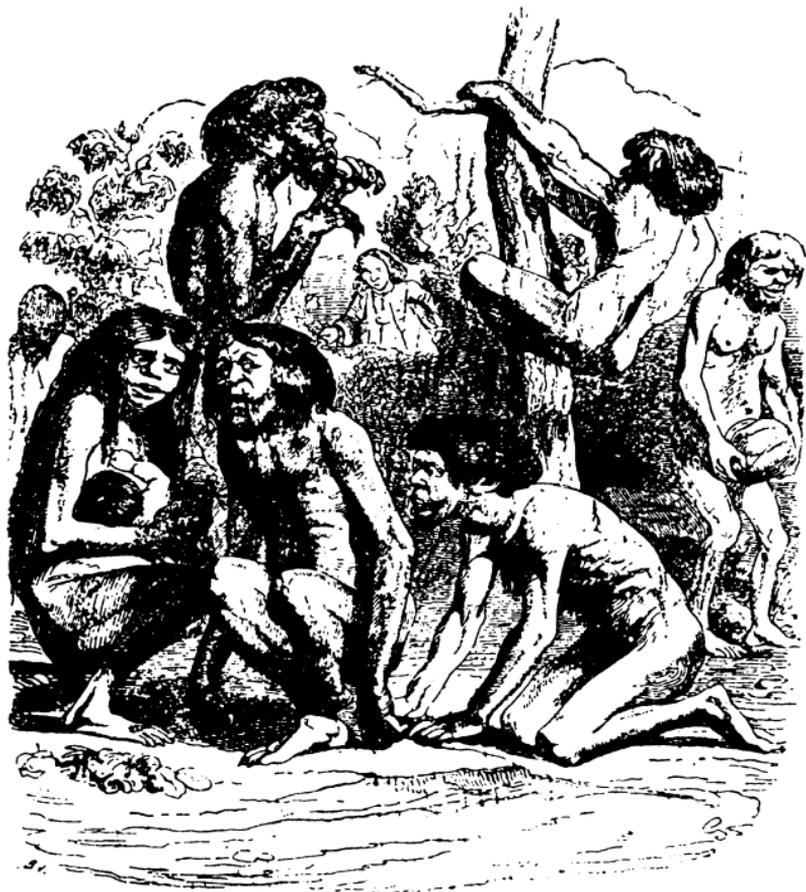
Если бы хоть со дна все казалось высоким!

Я всегда утешаю себя мыслью, что звезды, которые тонут в озере, были необитаемы.

Из гениальной мысли можно убрать все слова.

Труднее всего обстоит дело с правдой, когда все может оказаться правдой.

Дна не существует. Существуют только препятствия для проникновения вглубь.

*«Стиль — это человек».
Будь так, наша земля не
была бы заселена!*

Нелегко жить после смерти. Иногда на это нужно потратить всю жизнь.

Мысли иных людей так плоски, что не доходят даже до их головы.

*А голые женщины могут быть
интеллигентного вида?*

Следование догматам грозит матом.

Помни, никогда не изменяй правде! Изменяй правду!

Ввиду усиливающегося в некоторых странах интереса к исламу, следует напомнить, что мусульманская религия строго запрещает употребление алкоголя.

Можно крутить назад шарманку, но не мелодию.

Мы делали из красных наволочек знамена, а другие делали из знамен чехлы на перину.

*Время делает свое. А ты,
человек?*

И слово может быть кляпом.

Чтобы мыслить, необходим мозг, не говоря уже о человеке.

Никто не любит привкус дрожжей в тесте, которое только благодаря этим дрожжам и взшло.

У смерти клиентура не вымирает.

Ведь из рая изгнали только Адама и Еву. А как оттуда выбрались на свободу львы, орлы, обезьяны, блохи и т. д., а еще яблоки?

Драматург: чрево вещатель души.

Произведение искусства говорит само за себя — если есть, кому говорить.

Настоящий резонанс? Если поразишь нужного человека в нужное место.

Есть и такие, что погружаются на большую глубину, чтобы пускать оттуда маленькие пузырьки.

Вы думаете, этот автор мало чего добился? Да он один снизил общий культурный уровень!

Из опыта стрелка — большую цель труднее поразить, чем малую.

Не следует драматизировать жизнь! А вдруг отыщется лучший исполнитель на вашу роль?

Первым кидай камень, иначе тебя назовут эпигоном.

Там, где все поют в унисон, слова не имеют никакого значения.

Я бы никогда не совершил самоубийства. Я верю в людей — всегда отыщется услужливый убийца.

*Человек уже обрел крылья, но не стал
ангелом.*

Небесные тела движутся по тем же орбитам, но в соответствии со все более новыми законами.

Бессильное бешенство творит чудеса.

Есть точка, которая заключает не предложение, а судьбу.

ГУМАНИСТ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Люди всегда ценили емкое и выразительное слово, оформляющее собой небанальную, острую мысль. Меткая, к тому же ломающая стереотип рутинного мышления фраза живет порой дольше сотен страниц манускриптов или печатных изданий. Так, скажем, славу великого мыслителя эллинского мира Сократа, ни единой письменной строчки которого не дошло до потомков и о взглядах коего мы судим по произведениям его учеников Платона и Ксенофонта, поддерживает знаменитое уничижительно-вызывающее изречение этого мудреца: «Я знаю только то, что я ничего не знаю», подчеркивающее относительность любого человеческого знания. «Отцом» классического афоризма бывал иногда и вовсе не профессионал-философ: из тони реки забвения Леты людская память спасла имя римского императора Октавиана Августа, жившего на рубеже дохристианской эпохи и новой эры и давшего нам практичный во все времена совет: «Festina lente»

(«Торопись медленно»). Случалось в истории и так, что какая-то «крылатая» мысль опошлялась ее назойливым тиражированием, использованием ни к селу, ни к городу — в недавние времена нашего топорного агитпропа анонимный лозунг «Знание — сила», фигурировавший даже на спичечных этикетках, хотя и не подтверждавшийся достойным материальным вознаграждением, воспринимался как дежурный призыв в кампании по ликбезу, тогда как при жизни его автора — сэра Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) он прозвучал как откровение убежденного рационалиста («Knowledge is power»).

Ренессанс возродил в памяти европейцев чеканные строки великих поэтов античности — Горация, Овидия, Вергилия и породил своих творцов, ставших мудрыми наставниками человечества — Данте, Шекспира, Сервантеса... Просветители и романтики сделали искусство афоризма важной сферой интеллектуальной и духовной борьбы с суевериями, косностью и предрассудками. Д. Дидро и Ж.-Ж. Руссо, Ж. Лабрюйер и Ф. Ларошфуко, Ф. Шатобриан и А. Ламартин, И. В. Гете и Ф. Шиллер в своих высказываниях о современной им эпохе и вечных проблемах бытия дали людям замечательные образцы глубокого постижения жизни, ее закономерностей и парадоксов. В XIX веке государственные и политические деятели, дипломаты, военные стратеги, экономисты и социологи — Наполеон Бонапарт, Ш. Талейран, К. Клаузевиц, О. Бис-

марк, К. Маркс, Ф. Энгельс и др. — сформулировали идеи и доктрины долговременного исторического действия. Славянская Европа и Россия устами своих великих мыслителей и моралистов — от Я. Гуса и Я. А. Коменского, А. Б. Мицкевича и Ц. К. Норвида до Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского — закрепили богатейший духовный и нравственный опыт этой семьи народов в изречениях и сентенциях, вошедших в золотой фонд мировой афористики. Русской культуре принадлежит и заслуга создания сатирического образа, псевдофилософа, самодовольно вещающего пустопорожние банальности Козьмы Пруtkова, апокрифического «любомудра», озвучивавшего иронические фразы, написанные братьями Жемчужниковыми и А. К. Толстым. XX век, как, пожалуй, ни одно из предшествующих столетий, превратил борьбу идей в кровавые битвы людей, в насильственное насаждение монопольных идеологий, обслуживавших тоталитарные режимы. Именно поэтому так характерно для него было унылое начетничество, долбление затверженных на все случаи жизни сакраментальных цитат, ощущение цензурного «намордника», напыленного на людей искусства и науки.

И как раз на изломе века, во второй половине 1950-х годов, в литературе появился автор, которого часто называют «последним классиком афоризма», «гением сатирической метафоры». Даже в англоязычном мире, где его знали только по переводам, попу-

лярность изречений этого остроуслова и остроумца была беспримерной: во время XVII сессии Организации Объединенных Наций делегат США Эдлай Стивенсон процитировал одно из них в своем выступлении, слегка изменив его звучание, тогда Генеральный Секретарь ООН У Тан, включив микрофон, поправил докладчика, точно произнеся текст в его английской версии. Автором упомянутого высказывания был польский поэт, сатирик и философ Станислав Ежи Лец (1909—1966), а книгой, откуда его почерпнули, являлся знаменитый сборник афоризмов «Непричесанные мысли».

Станислав Ежи Лец родился 6 марта 1909 г. во Львове, крупном культурном центре польской Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи. Отец будущего писателя, родовитый австрийский дворянин Бенон де Туш-Летц (второй частью его двойной фамилии в ее польском написании пользовался автор «Непричесанных мыслей») умер, когда сын был еще ребенком. Его воспитанием занялась мать — урожденная Аделя Сафрин, представительница польской интеллигенции, высоко ценившей образование и культуру. Польская, немецкая (австрийская) и еврейская составляющие его духовной личности на разных этапах жизненного пути писателя то гармонизировались ярким художественным дарованием, то вступали друг с другом в драматическое,

порой мучительное противоречие. Начальное образование он получал в австрийской столице, так как приближение фронта (шла Первая мировая война) заставило семью переехать в Вену, а затем завершал его во львовской евангелической школе. Получив в 1927 г. аттестат зрелости, юноша изучает в дальнейшем юриспруденцию и полонистику в университете Яна Казимежа во Львове.

В эту студенческую пору он начинает литературную деятельность, сойдясь с коллегами, живо интересующимися творчеством. Весной 1929 г. молодые поэты устроили первый в их жизни авторский вечер, на котором прозвучали и стихи Леца, а в конце того же года в литературном приложении к популярной тогда газете «*Ilustrowany Kurier Codzienny*» (Иллюстрированный Ежедневный Курьер) было напечатано его дебютное стихотворение «Весна». «В нем говорилось, ясное дело, о весне, — пояснял Лец спустя годы, — но это не была традиционная весна, по настроению эти стихи выглядели ... пессимистическими. А почему я выбрал именно „ИКС“? Это издание выписывали и читали в нашем доме, а я хотел прослыть поэтом прежде всего в семье».

Уже тогда воспитанный на лучших образцах мировой гуманистической культуры и ощущавший себя ее духовным питомцем, Станислав Ежи Лец сделал выбор важнейших для него жизненных ценностей, какими он считал достоинство и права человека — как

отдельной личности, так и состоящей из личностей массы. Борьба словом и пером писателя с властью, покушавшейся на них, а тем более — их попиравшей, стала главным содержанием его, по этой причине полной трудностей и испытаний, жизни.

Эти убеждения естественно привели его в ряды левой творческой интеллигенции. В 1931 г. группа молодых поэтов, встречавшихся у Леца на квартире, начала издавать журнал «Trybu» (Наклонения), в первом номере которого он опубликовал стихи «Из окна» и «Плакат» (в последнем две завершающие строфы были выброшены цензурой). Тираж же второго номера издания почти полностью уничтожила полиция. В 1933 г. во Львове выходит первый поэтический томик Леца «Barwy» (Цвета).

В нем преобладали поэмы и стихи острого социально-политического звучания: оставшаяся кошмарным воспоминанием его детских лет Первая мировая война навсегда сделала поэта страстным антимилитаристом. В дебютном сборнике помещено стихотворение «Вино», полное мрачной и горькой иронии. Человеческая кровь, пролитая на множестве фронтов Европы во имя ложных догматов и националистических крестовых походов, кровь разных поколений и народов уподоблена им ценным винам урожайных лет, которые надо бережно хранить, чтобы предотвратить новые кровавые жатвы из окрестностей «Пьяве, Танненберга, Горлиц»:

было много крови в европе, было крови что воды
на той войне за цивилизацию
забыли набрать ее в бутылки как молодое вино мы
отыщи теперь ошибку в калькуляции

В «Цветах» были также оглашены первые юмористические и сатирические фразки* Леца (польская разновидность стихотворной миниатюры-эпиграммы, жанр, культивируемый творцами национальной поэзии от жившего в XVI веке Яна Кохановского до наших дней). Эту грань художественного дарования молодого поэта пронизательно подметил и высоко оценил Юлиан Тувим — крупнейший мастер польского рифмованного слова того времени, включивший в свою знаменитую антологию «Четыре века польской фразки» (1937) три стихотворения недавнего дебютанта.

Фразка Леца — ближайшая родственница его будущих «непричесанных мыслей». Здесь те же объекты сатирического осмеяния, та же упругость иронических формулировок — констатаций нравственных проблем:

Я помню много милых лиц
И нахожу в том утешенье.
Теперь их нет уже в живых,
Они пошли на повышение.
(«Воспоминания»)

* От польского *fraszka* — пустяк, безделица, мелочь.

Гораздо легче расширить фронт,
Чем умственный горизонт.

(«Легче»)

Переехав в Варшаву, Лец регулярно публикуется в «Варшавском цирюльнике», становится постоянным автором «Шпилек», его произведения помещают на своих страницах многие литературные журналы во главе со «Скамандром». В 1936 г. он организовал литературное кабаре «Teatr Krętaczy» (Театр Пересмешников). «Наш маленький театр, — вспоминал Лец, — дал всего 8 представлений. Тогдашние власти выдумывали самые невообразимые предлоги, чтобы его закрывать. Откопали, например, предписание, запрещающее нам пользоваться „настоящей сценой”, в связи с чем мы собственными руками и топорами развалили всю конструкцию сцены, оставив только подиум. Не скажу, чтобы хозяин этого зала был восхищен нашими преобразованиями. Наконец, пришлось закрыться. Почему? Потому что в глазах властей мы неизменно представляли какую-то опасность. Литературное руководство театром я осуществлял совместно с Леоном Пастернаком, мы писали также тексты песен, эстрадные монологи, скетчи, комментирующие актуальные события. Актерами были студенты и безработные рабочие».

В этот период он начинает сотрудничать с варшавской газетой «Dziennik Popularny» (Популярный Еже-

дневник) — политическим изданием, пропагандировавшим идею создания антифашистского народного фронта, в котором публиковалась его ежедневная судебная хроника, вызывавшая особое раздражение «блюстителей порядка». После приостановки властями издания газеты, чтобы избежать грозившего ему ареста, Лец выехал в Румынию. Спустя некоторое время он возвращается на родину, крестьянствует в деревне на Подолье, служит в адвокатской конторе в Чорткове, затем, вернувшись в Варшаву, продолжает литературную и публицистическую деятельность.

Перед самой войной он завершает подготовку к печати обширного тома фразек и подольской лирики под названием «Ziemia pachnie» (Пахнет землей), но выйти в свет книга уже не успела.

Начало войны застало Леца в его родном городе. Об этом страшном (и героическом) этапе своей жизни он рассказал позднее в нескольких скупых строчках автобиографии: «Пору оккупации я прожил во всех тех формах, какие допускало то время. 1939—1941 гг. я провел во Львове, 1941—1943 гг. — в концлагере под Тернополем. В 1943 году, в июле, с места предстоявшего мне расстрела я сбежал в Варшаву, где работал в конспирации редактором военных газет Гвардии Людовой и Армии Людовой на левом и правом берегах Вислы. Потом ушел к партизанам, сражавшимся в Люблинском воеводстве, после чего воевал в рядах регулярной армии».

Здесь рассказано далеко не обо всем, что довелось изведать и совершить молодому писателю, но о чем известно читателям его стихов и воспоминаний боевых товарищей Леца. При повторной попытке бегства из концлагеря он был схвачен и приговорен к расстрелу. Эсэсовец заставил обреченного на смерть рыть себе могилу, но погиб сам от его удара лопатой по шее (стихотворение «Кто копал себе могилу»). Переодевшись в немецкий мундир, Лец в таком виде пересек всю Генеральную Губернию, как гитлеровцы именовали захваченную Польшу, и, добравшись до Варшавы, установил контакт с силами сопротивления и стал работать в подпольной прессе. В Прушкове редактировал газету «Żołnierz w boju» (Солдат в бою), а на правом берегу Вислы — «Swobodny naród» (Свободный народ), где печатал также свои стихи. В 1944 г., сражаясь в рядах первого батальона Армии Людовой, скрывался в парчевских лесах и участвовал в крупном бою под Рембловом. После освобождения Люблина вступил в 1-ую армию Войска Польского в звании майора. За участие в войне получил Кавалерский Крест ордена «Polonia Restituta» (Возрожденная Польша).

В 1945 г., поселившись в Лодзи, Лец вместе с друзьями — поэтом Леоном Пастернаком и художником-карикатуристом Ежи Зарубой возрождает издание популярнейшего юмористического журнала «Шпильки». На следующий год вышел его стихотвор-

ный сборник «Notatnik polowy» (Полевой блокнот), включавший стихи военных лет и строфы, посвященные сражениям партизанской поры и павшим товарищам поэта-солдата. Тогда же был опубликован томик его сатирических стихов и фразек, созданных перед войной, — «Spacer cynika» (Прогулка циника). «Эти стихи, — писал во вступлении автор, — были написаны и частично оглашались с 1936 года до военного сентября. Стихи беззаботно-веселые перемешаны здесь с теми, в которых я пытался передать ощущение нарастающей мировой трагедии. Эти небольшие примеры с болезненной очевидностью подтверждают ту максимуму, что сатирик, к сожалению, ошибается редко».

Подобно своим старшим коллегам по литературе в довоенное время (Ян Лехонь, Ярослав Ивашкевич) и писателям-ровесникам в первые годы после освобождения (Чеслав Милош, Тадеуш Бреза, Ежи Путрамент), привлекавшимся к дипломатической работе, Лец в 1946 г. был направлен в Вену в качестве атташе по вопросам культуры политической миссии Польской Республики. Вскоре (1948 г.) на родине опубликован томик его сатирической поэзии, созданной после войны, — «Życie jest fraszka» (Жизнь — это фразка), а затем (1950 г.) сборник «Новых стихов», написанных в австрийской столице — городе его детства; отсюда в этих стихотворениях так много реминисценций, связанных с новым, свежим восприяти-

ем памятников искусства и архитектуры этого великого центра европейской культуры.

Наблюдая из Австрии процессы, происходящие в Польше того времени, утверждение режима партийной диктатуры, подавление творческой свободы и воли интеллигенции, Лец в 1950 году принимает трудное для себя решение и уезжает в Израиль. За два года, проведенных здесь, им написана «Иерусалимская рукопись» (*Rękopis jerozolimski*), в которой доминирует мотив переживаемой им острой тоски по родине. Содержанием этих стихов, сложенных во время странствий по Ближнему Востоку, стали поиски собственного места в ряду творцов, вдохновленных библейской темой, и неотвязная память об убитых под другим, северным небом. Существование вне стихии польского языка и культуры, вдали от родных и друзей, привычного мазовецкого пейзажа становится мучительно-тягостным:

Туда, на север дальний, где некогда лежал я в колыбели,
Туда стремлюсь теперь, чтоб там же и отпели.

Написав эти строки, Лец в 1952 году вернулся в Польшу и сполна получил от новых властей за демонстрацию своей политической оппозиционности и свободомыслия. В течение ряда лет действует негласный запрет на публикацию его собственных произведений (как это было, скажем, с М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой у нас). Единственной оплачиваемой

формой литературного труда становится для него переводческая работа, и он целиком посвящает ей себя, обращаясь к поэзии И. В. Гете, Г. Гейне, Б. Брехта, К. Тухольского, современных немецких, русских, белорусских и украинских авторов. Но и в этих условиях он отказывается послушно выполнять официальные заказы. «Я перевожу обычно, — говорил Лец, — только сочинения, которые выражают — как правило, иначе, чем сделал бы это я сам, — мысли, волнующие меня».

Мощные общественные выступления поляков в октябре 1956 года, заставившие власти объявить о разрыве с предшествующим периодом «ошибок и извращений», значительно ослабить контроль над идеологией и творчеством, превратили Польшу, по ироническому высказыванию диссидентов, в самый «открытый и свободный барак соцлагеря». Одним из свидетельств перемен и стало возвращение к читателям книг Леца и издание его новых произведений.

Первой из таких прежде задержанных публикаций была «Иерусалимская рукопись» (1956 г.). «Эти стихи, — писал Лец, — завершённые в середине 1952 г., по разным причинам, пролежали в ящике письменного стола вплоть до 1956 г. Я знаю, что это самая лиричная из моих книг. Каждый выпущенный томик является, по крайней мере для меня, спустя некоторое время как бы сочинением другого человека, которое — не стыжусь в этом признаться — чита-

ешь порой даже с интересом. Тогда тебе открываются какие-то новые детали и в стихах, и между строчек».

На гребне польской «весны», «оттепели», в атмосфере радостного освобождения от гнетущего догматизма и сервилизма появляется книга, принесшая ее автору мировую известность — «Myśli nieuczesane» (Непричесанные мысли). Спустя несколько лет после ее выхода в свет (1957 г.) Лец признавался: «Я всю жизнь писал фразки и подозреваю, что это изначально были „вольные мысли“, только насильно заключенные в корсет традиционных форм. Я писал их время от времени — по мере того, как они рождались во мне под воздействием самых разнообразных причин и обстоятельств. За многие годы их набралось много в моих блокнотах и тетрадях, и я подумал о том, чтобы опубликовать эти вещи. Пожалуй, теперь я даже жалею об этом решении, так как они целиком заслонили мое творчество поэта-лирика».

Вскоре появляется и авторская антология «Из тысячи и одной фразки» (1958 г.), содержащая стихи-эпиграммы, создававшиеся на протяжении всего творческого пути поэта, о связи которого с сатирическим фольклором поляков говорил на примере произведений военной поры сам автор во вступлении к сборнику: «Во время оккупации общество могло убедиться в силе, целесообразности и благородных устремлениях подлинной сатиры, ведь оно само — массово и аноним-

но — участвовало в создании теперь уже исторической оккупационной сатиры. Не знаю, много ли произведений иных литературных жанров устоит перед временем, но думаю, что наши правнуки в учебниках истории наткнутся на многие меткие строки военного сатирического творчества поляков. В этой традиции черпаешь силу. На мой взгляд, сатира, пожалуй, лучше всего отображает истинный профиль прогрессивной части общества своего времени».

Последние поэтические томики Леца — «Криґ і ругам о drogę» (Насмехаюсь и спрашиваю про дорогу — 1959), «Do Abła i Kaina» (Авелю и Кайну — 1961), «List gończy» (Объявление о розыске — 1963), «Poema gotowe do skoku» (Поэмы, готовые к прыжку — 1964) — отмечены, по свидетельству самого автора, наблюдаемой им у себя «склонностью ко все большей конденсации художественной формы». Это относится и к опубликованному на страницах литературной прессы циклу «Ксении», состоящему из коротких лирико-философских стихотворений, и к серии прозаических миниатюр «Маленькие мифы», форму которых Лец определил как «новый вариант непричесанных мыслей с собственной фабулой-анекдотом».

В 1964 г. появилось второе издание «Непричесанных мыслей», а через два года поэт успел еще подготовить том «Новые непричесанные мысли», содержащий огромное богатство тем, среди которых особой

популярностью пользовались его историсофские афоризмы.

После долгой, неизлечимой болезни, давно сознавая свою обреченность, Станислав Ежи Лец скончался 7 мая 1966 г. в Варшаве.

До конца дней его не покидала ясность сознания и высказываний. Еще за два месяца до смерти он попробовал оценить свой жизненный и творческий путь:

«Был в моей жизни такой период упадка, который доселе является стартовой площадкой моих самых смелых свершений. Когда я чувствую себя особенно усталым от тягот, то мысленно возвращаюсь в эту пропасть, чтобы сила давнего падения вновь вытолкнула меня вверх. Какой там из меня философ? Ведь у меня нет никакой теоретической подготовки в этой области, хотя существуют, впрочем, и мужики-философы. Но я очень недолго носил мужицкую сермягу. Пожалуй, это расчленение моего творчества на философию, лирику и сатиру пахнет педантизмом профессионально-критического разбора. Поэзия имеет разнообразные обличья. В ней есть все, а точнее — все должно быть. И каждый находит в ней то, что ищет. Разве что в ней, действительно, нельзя ничего найти. Некоторые придерживаются мнения, что автору труднее всего оценить самого себя. Если это правда, то лишь отчасти, ибо если автор к чему-либо стремится, то может проверить, в какой мере он при-

близился к поставленной им (или эпохой) цели. А какими он пользуется мерами и весами, это опять-таки определяется его ощущением времени и перспективы... Что ж, я хотел своим творчеством охватить мир. Эту задачу мне усложнили, расширив его эскападами в космос».

«Непричесанные мысли» стали вершиной и квинт-эссенцией творчества Станислава Ежи Леца. Внутренняя, духовная свобода и интеллектуальная смелость, которые характерны для его высказываний, были особенно поразительны для эпохи подневольных умов и тщательно выверенной степени допустимого критицизма. Недаром один из первых читателей этой книги Ян Юзеф Липский написал, в частности: «„Непричесанные мысли“ — это самое значительное на протяжении многих лет явление в нашей литературе на современную тему. Лец — скептический рационалист — сознательно отказывается от всякого пафоса, а его критицизм включает в себе больше сарказма, чем проповедничества, что не мешает ему постоянно сопоставлять свои знания о современности, наблюдения, почерпнутые из жизни, с собственной системой моральных критериев и с собственной концепцией человека. „Непричесанным мыслям“ суждено занять заслуженно почетное место среди книг, являющихся не только документом определенного этапа идейного, интеллектуального и ху-

дожественного прогресса, но и свершением, имеющим непреходящую ценность».

О том, как возникали «Непричесанные мысли», рассказал сам автор: «Эти высказывания несут на себе отпечатки пальцев нашей эпохи... Если бы варшавские кафе закрывались на два часа позже, „мыслей“ было бы процентов на 30 больше... Как и фрашка, „непричесанная мысль“ возникает сразу, но в форме самой лапидарной прозы. Можно бы, в крайнем случае, назвать это конденсированной эпиграммой. Но нет! Тогда бы ощущалась трудоемкость работы, рифма и ритм ограничили бы свободу непокорной мысли. Отсюда так много недоразумений, случающихся с нашими авторами фрашек, которые часто насильно стараются зарифмовать то, о чем подумали. „Непричесанные мысли“ записывались в кафе, в трамваях, в парках, ба! — даже в клубе литераторов. Вообще-то, я всегда мыслил таким образом, только врожденная скромность не позволяла отважиться на то, чтобы записывать, а тем более публиковать эти мои „непричесанные мысли“... Это беседы с самим собой, их можно было бы определить как попытку охарактеризовать явления нашей действительности... Даже при создании той игры понятий и слов, какими являются „Непричесанные мысли“, нужно быть поэтом...»

Последнюю мысль об однородности литературного наследия Леца в его философских, лирических и

сатирических проявлениях выразительно развил крупный польский поэт и прозаик наших дней Тадеуш Новак: «Если хлорофилл является основной составной частью растительной клетки и будет одинаков в клетке водоросли, полевого хвоща или яблочной листвы, то подобная субстанция, питающая все жанры творчества, в каких работал Лец, — это поэзия».

Конечно, «непричесанность» мыслей Леца не только в импровизационности, спонтанности их возникновения и фиксации, ведь внимательный читатель, конечно, обратит внимание на виртуозность, с какой он оперирует словами на минимальном пространстве афоризма. «Непричесанность» в первую очередь — в отказе подчиниться густому гребешку и ножницам цензуры, в сопротивлении, которое этот настороженный и все подвергающий сомнению ум оказывает узам привычных схем мышления, давлению общепринятых взглядов, ложной многозначительности различных догм и нравственно-бытовых стереотипов. Внешне миниатюрной художественной форме тут надлежало воплотить в себе все напряжение творческой воли писателя-гуманиста.

Читатель, ознакомившийся с основными вехами жизненного и творческого пути Леца, без труда заметит, что «Непричесанные мысли» — это также скрытая автобиография поэта. Он заключил в этой книге все свои вызовы силам, противостоящим чело-

веческому достоинству и принципам демократии, все свои суждения о природе исторического процесса, его опасностях и деформациях, свое знание «анатомии власти» и механизмов ее осуществления. Он с беспокойством отмечает театральность обыденного человеческого поведения и обыденность мещанского кругозора у людей театра.

Он идет путем поисков новой литературной формы, лапидарной и отточенной, как бы конкурирующей с математическими формулами: «Будем писать кратко, — говорил Лец, — чтобы закончить предложение в ту же самую эпоху, когда его начали».

Создавая самую лаконичную хронику пережитого современным художником из Восточной Европы, писатель выступал поборником активного гуманизма, сочетавшим в себе горечь и печаль трудного исторического опыта с терпимостью и добротой, а его выводы обретали универсальную значимость и масштабность, ибо, как писал известный польский поэт и драматург Станислав Гроховяк: «„Непричесанные мысли“ останутся произведением, в котором, пожалуй, точнее всего прослеживается эскалация современного заблуждения: от позиции интеллектуального самодовольства до глупости, от глупости до узурпирования права изрекать „истины“, от узурпирования права до тирании, от тирании до преступлений. Эти четки собраны из бусинок столь малых, сколь миниатюрны афоризмы Станислава Ежи Леца».

Отчеканенные в гибкой и ясной польской речи, «Непричесанные мысли», по высказыванию видного польского поэта-новатора Юлиана Пшибося, «являются, может быть, лучшей практикой, предваряющей чтение хороших современных стихов: они обостряют внимание к каждому слову, пробуждают и приводят в движение языковую образность и фантазию читателя».

Одно из популярных изречений Леца гласит: «Я хотел сказать миру только одно новое слово, но так как не сумел этого — сделался писателем». Вряд ли читатель знаменитой книги польского поэта здесь с ним согласится, хотя, конечно, отметит присущую ему скромность. Ведь «Непричесанные мысли», безусловно, стали новым словом в искусстве афоризма — этой древнейшей и ценимой во все времена разновидности литературно-интеллектуального творчества.

Что отличает Леца от многих, впрочем, заслуженно знаменитых мудрецов и мыслителей, классиков афористического жанра? Прежде всего то, что его высказывания, как правило, не содержат непререкаемых суждений и приговоров. Вместо окончательной истины Лец предлагает нам сентенции, произносимые с иронией или сомнением.

Редкостно разнообразны и формы его изречений. Здесь афоризм-определение, дефиниция, подвергаемая сатирической актуализации («Настоящая сати-

ра — та, на которой ставят крест»), псевдоцитата («Из книги бытия: „Только один жил с начала света и до его конца — страх“»), пародия на официальные пропагандистские лозунги («Сбываются наши самые смелые мечты! Может, пора исполняться и несмелым?»), короткий диалог («„Я — поэт завтрашнего дня!“ — сказал он. „Поговорим об этом послезавтра!“ — ответил я»), мини-рецензия («Вот это пьеса! Столько сценических персонажей, которые говорят о том, что автору нечего сказать!»), крохотный рассказ со своим сюжетом («Крикнул: „А король-то голый!“ . Но придворные заткнули ему рот: „Молчи!“ . — „Почему?“ — „Может простудиться!“»), фрашка в одно предложение, с внутренней рифмовкой («Следование догматам грозит матом») и т.д. Лец расширил традиционную емкость афоризма, заполнил его тесные рамки конденсированным содержанием современных проблем, страхов и прогнозов, концентрируясь, в основном, на комичных и болезненных аспектах человеческого существования.

«Непричесанные мысли» принесли своему автору широчайшую известность. Их переводы на основные языки света, появившиеся в США, Англии, ФРГ, Швейцарии, Италии и других странах Запада уже в 60-е годы, долгое время возглавляли списки бестселлеров. «Мысли» эти повторяли американские президенты и германские канцлеры, парламентарии разных стран.

В советскую же печать антитоталитарные, бунтарские «Непричесанные мысли» просачивались лишь в виде небольших газетных или журнальных подборок, а единственное их издание у нас отдельной книжкой (1978 г.) подверглось оскотлению «благо-разумными» переводчиками и редакторами*.

Между тем именно нашему обществу, которому объекты едких насмешек Леца — демагогия, политическое хамелеонство, агрессивное невежество, националистический популизм — знакомы как никакому другому, особенно важно пройти школу остро-парадоксального и истинно демократического мышления у Леца.

Настоящее издание — наиболее полное из всех, вышедших по-русски, — содержит свыше тысячи афоризмов и сентенций Станислава Ежи Леца.

Жизнь писательского слова этого гуманиста без страха и упрёка, свечение интеллекта человека, не желавшего в угоду кому бы то ни было причисывать свои мысли, продолжают...

«И умершие молчат лишь до времени, которое выскажется за них» (С. Е. Лец)

Максим Мальков

* Как причисывали «Непричесанные мысли». «Правда». 16.IX.1990

С. Е. Лец

С 4 Непричесанные мысли / Перевод с польского, послесловие М. П. Малькова — СПб.: Академический проект, 1999 — 173 с.

ISBN 5-7331-0136-9

Философ-сатирик — подобное уникальное совмещение понятий точнее всего характеризует удивительно самобытную художественную личность Станислава Ежи Леца (1909—1966), польского поэта, дипломата, переводчика, единственного современного классика афористического жанра, каким его сделала публикация в 1957 г. и в 1964 г. двух небольших сборников сатирических сентенций под общим названием «Непричесанные мысли».

«Непричесанные мысли» принесли автору мировую известность. Их переводы, появившиеся в США, Англии, ФРГ, Швейцарии, Италии и других странах Запада уже в 1960-е годы, долгое время возглавляли списки бестселлеров. «Мысли» Леца цитировали с трибуны ООН, их повторяли американские президенты и германские канцлеры, парламентарии разных стран.

Настоящее издание — наиболее полное из всех, выходящих на русском языке, — содержит свыше 1000 афоризмов Станислава Ежи Леца.

Оформление *Ю. С. Александрова*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Технический редактор *А. Ю. Шмарцев*

ЛР № 062679 от 2.06.93

Подписано в печать 12.10.98. Формат 70×100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 3830.

Гуманитарное агентство «Академический проект»
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034. Санкт-Петербург, 9 линия, 12